

Борис Цеханович
Рейд Дилетантов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Цеханович
Рейд Дилетантов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Цеханович Б. Г.

Рейд Дилетантов / Б. Г. Цеханович — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Повесть о противостоянии в середине 80х годов неподготовленной советской группы офицеров с элитой американской армии «Зелёными беретами» на территории центрально-американского государства. Остальные рассказы - реальные истории из Советской и Российских армий. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Рейд дилетантов	5
Часть первая	5
Часть вторая	29
Часть третья	49
Часть четвёртая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Рейд дилетантов

Часть первая

Военный атташе посольства Никарагуа генерал-майор Сысков поднял трубку закрытой связи с Москвой.

– Добрый утро, Григорий Яковлевич.

– Это у вас доброе утро, а у нас давно поздний вечер, – зарокотал хорошо поставленный начальственный голос в трубке, который действительно был начальником для атташе, а также старинным товарищем по далёкой юности, когда оба учились на одном курсе военного училища.

Генерал Сысков добродушно рассмеялся в трубку: – Никак не могу привыкнуть к такой разнице во времени. Я бы не стал тебя, Григорий Яковлевич, беспокоить в столь позднее время, да уж причина больно уважительная.

Вольно сидевший напротив майор Загорский, молчаливо закрыл глаза и тут же открыл, как бы подтверждая, что причина столь позднего звонка в Москву действительно важная и неотложная.

– Ничего, ты меня просто опередил. Я сам собирался тебе звонить. Но интересно – одинаковая ли у нас причина или у тебя другая? Давай, ты первый...., – с азартом спорщика предложило начальство на противоположной стороне земного шара.

– Тут у меня пошла информация и сразу из нескольких независимых друг от друга источников. Очень достоверная. Ну, ты знаешь о грядущих событиях между Никарагуа, Кубой и нашей страной. Так вот по этому поводу 20 числа, а это через десять дней, состоится встреча между послами СССР, Кубы и правительства Никарагуа, где окончательно будут утрясаться вопросы поставки тяжёлого вооружения армии Никарагуа. В связи с этим появилась следующая информация, что сразу после встречи, как только уедут представители Никарагуа, произойдёт нападение на послов СССР и Кубы и их сопровождающих лиц, с целью уничтожения. Смысл этого в осложнении отношений между Кубой, СССР с одной стороны и Никарагуа с другой. Срыв или в крайнем случае оттянуть сроки поставки вооружения, тем временем закончить создание условий для крупномасштабного вторжения контраст в Никарагуа и свержение правительства Даниэля Ортеги. Вот такой сценарий.

– Ха...., ты меня опередил. У меня, Сергей Иванович, точно такая же информация пришла, только более конкретизированная. Я знаю место, где на территории Гондураса уже сосредотачиваются контраст и зелёные береты, последние и будут участвовать в силовой акции. Их девять человек. И мне, как твоему начальнику, хочется услышать – Какие у тебя предложения будут по этому поводу?

Сысков вздохнул и задумчиво потёр ладонью подбородок, одновременно посмотрев на Загорского, как бы обращаясь к нему за помощью и после непродолжительной паузы ответил: – Конечно, логично было бы перенести время и место встречи. Но по некоторым политическим соображениям, этого делать нельзя. Так что, мне, Григорий Яковлевич, нужна группа спецназа. Как только они прилетают, выбрасываем их на объект. Пусть осматриваются, знакомятся с обстановкой вокруг и местностью. И вычисляют этих зелёных беретов. Нам нужно переговоры провести в спокойной, деловой обстановке.

– Хочу тебя, Сергей Иванович, слегка огорчить. Нету сейчас под рукой ни одной группы. Тут тоже делов и задач важных полно. Но давай поступим по пословице – «Утро вечера мудренее». Я сейчас ставлю задачу своим орлам, а утром.... У тебя как раз будет поздний вечер,

я тебе доведу своё видение решения данной проблемы. Так что давай до утра, то бишь до вечера...

Генерал положил трубку и внимательно посмотрел на своего зама: – Сам то, что скажешь, Геннадий Петрович?

Майор, когда-то, что было совсем недавно, всего каких-то пять лет назад, был поджарым, волевым и смелым сотрудником. Но та, бесшабашная молодость в ГРУ, когда он был сильным и уверенным в себе, когда в бою мог мгновенно принимать решения, прошла. На взлёте карьеры перспективного спецназовца, предложили ему военно-дипломатическую стезю. На что он с удовольствием согласился, считая это вполне заслуженным. За эти годы он неплохо поработал в аппарате военного атташе сначала одного небольшого африканского государства, потом его перекинули в Никарагуа и намекнули, что если он и здесь отметится, то перестанет ошиваться на дипломатических задворках и его переведут в посольство крупной европейской страны в качестве поощрения и дальнейшего движения вверх. Но относительно спокойная посольская жизнь с минимальными физическими нагрузками, сделали своё дело и Загорский слегка оплыл, покрывшись жирком, в движениях появилась некая вальяжность и значимая медлительность. Хотя, если он захочет или к этому принудят обстоятельства, он в течение месяца снова войдёт в былую физическую форму. Гораздо хуже другое. Оказавшись на военно-дипломатической службе, по-армейски это всё равно что с линейной роты перевели сразу в штаб дивизии, да ещё на неплохую должность, на которую чего греха таить стояла очередь и ждала не очередного его повышения, чтобы тут же её занять, а банального прокола по службе. А Загорский совершенно не собирался падать вниз и мечтой его была эта крупная европейская держава, которая может послужить хорошим трамплином для дальнейшего движения вверх. Поэтому и появилась некая неуверенность в принятии решений, но на фоне решительного и опытного военного атташе Сыскова, эта неуверенность была незаметна. Генералу Сыскову тоже совсем недавно намекнули, что его после Никарагуа хотят передвинуть на очень перспективное место, где он уже полноправно будет командовать подчинёнными отделами и офицерами. Поэтому сейчас Загорский ответил нейтрально, как бы размышляя вслух.

– Сергей Иванович, ни мне, ни вам сейчас головняков совсем не надо. Конечно, Григорий Яковлевич крутой мужик, но надо всё дело поставить так, чтобы кто-то другой отвечал за результат работы в случае неудачи....

– Ну ты, товарищ майор, и молодец..., – деланно возмутился генерал, – в случае неудачи, моя голова и твоя, только так полетят. Хорошо если нас с тобой убьют зелёные береты... Хоть похоронят с салютом и оркестром... А если живыми останемся...? Мы тогда пожалеем, что нас не убили. А если удача? Ты что, это хочешь в чужие руки отдать?

Генерал прищурился и на мгновение ушёл в себя, представляя последствия удачной операции, туда же сходил и Загорский и даже замотал головой, так ему не хотелось делиться с кем бы то ни было.

– Воооо..., – удовлетворённо протянул атташе, – и я об этом думаю.

– Ладно, – генерал решительно хлопнул ладонью по столу, как бы подводя итог обмена мнениями, – особо голову не забиваем и ждём вечера. Что-то мне подсказывает, что Григорий Яковлевич найдёт нормальное решение. Знаешь, как в армии говорят – Не можешь сделать – доложи начальству, пусть оно думает. Сделал – доложи два раза, чтобы подумало, как тебя поощрить....

.... Вечером, но уже втроём сидели в кабинете генерала и курили сигары, пуская вкусные, сизые клубы дыма в потолок. Третий был капитан, тоже из ГРУшников. Это было его первое посольство, был он ещё зелёный, необкатанный на этом новом поприще и ничего ему в ближайшем будущем не светило, поэтому сидел на краешке стула и завистливо наблюдал за старшими начальниками. Сысков для себя определил: если ещё полчаса начальство с Москвы не позвонит, то тогда придётся звонить ему. А ему, старому интригану, знакомому с неформаль-

ным политесом, этого делать совсем не хотелось. Одно дело, когда ты сам звонишь начальству и спрашиваешь или же просишь о чём-то, то сразу как бы становишься в униженную позицию и расписываешься в собственном бессилии. Другое дело, когда начальство само тебе звонит, тогда другой расклад – ты как будто сам работаешь над этой проблемой и самостоятельно ищешь решение и вот-вот его найдёшь.

До контрольного срока осталось пять минут, когда телефон требовательно зазвонил. Атташе подождет, когда он звякнет пять раз, чтобы не думали что он сидит у телефона и ждёт решения, и поднял трубку.

– Генерал Сысков. – Барственным голосом сказал в трубку

– Здорово, здорово, Сергей Иванович... Ну, что квиты? Один – один. Ты меня вчера вечером озадачил, а теперь я тебя озадачу. Я то отдохнул, а вот получится у тебя отдохнуть – я не знаю. Кхе..., кхе..., – засмеялось довольное своей шуткой на том конце провода начальство.

– Доброе утро, Григорий Яковлевич. Судя по твоему игривому настроению, оно действительно для нас доброе.

– Да..., доброе... доброе. Везунчик ты, Сергей Иванович, всегда тебе везло и сейчас тоже. Ну-ка интересно, угадай – В чём тебе повезло?

– Нууу..., – потянул в размышлении генерал, прикидывая, как легко и по юморному ответить, – наверно, случайно там..., пролетал самолёт и нечаянно уронил на американцев бомбу и всех там накрыло медным тазом....

– Ну, тоже сказанул, – донёсся смех из трубки, – чтоб так везти, я не знаю, кем надо быть или кому молиться. Нет, не угадал и далеко не угадал.

Голос поменял тональность и в нём появилась серьёзность: – Операцию проводить тебе всё равно придётся. Вчера, перед тем как уехать домой, весь свой отдел на уши поставил с задачей – Что мы имеем и что мы можем для тебя сделать? Парни у меня молодцы, ночью всё перекопали и раненко утром, когда к себе приехал, дали весь расклад. В нашей конторе, как я тебе и вчера говорил, ничего и никого на данный момент нет. Все в разгоне. Но..., но накопили следующее. Неделю назад, к тебе в Никарагуа, прибыла разведрота Кубинских Вооружённых Сил. Знаешь про это?

– Конечно знаю? Это разведрота с 9ой танковой дивизии Кубы. Они прибыли на три месяца и заменяют другую разведроту. Где они стоят – я тоже знаю.

– Оооо, молодец, не зря хлеб ешь. Так вот. Вместе с этой разведротой прибыл наш армейский спецназ. Вернее не весь спецназ, а группа. Девять человек. Одни офицеры. Сплошь майоры и капитаны, один только старший лейтенант. Короче – Зубры. Всем укомплектованы. Прибыли для обмена опытом с кубинской разведкой. То есть для них это своего рода отдых. Я с кем надо переговорил сразу с утра и все вопросы решил. Через час получишь по телетайпу приказ о переподчинении группы тебе. Ну..., и лови и другие документы. Тебе только останется, завтра с утра выехать на базу разведчиков и грамотно поставить конкретную задачу. Тут в детали не вдаюсь – сам, на месте лучше меня разберёшься – Что и как? Остаётся только проконтролировать их подготовку и послезавтра утром отправить на выполнение задачи. Идея в общих чертах следующая. Группа переходит границу Гондураса. Там от границы до базы американцев всего двадцать километров. Доходят до базы, атакуют. Уничтожают зелёноберетчиков, кроме одного-двух, их живыми надо оставить и забрать с собой. Здесь как повезёт. Забирают всю какая будет документацию и амуницию, и уходят. Я думаю, что для офицерского спецназа – это как два пальца обоссать.

– Ну, как тебе планчик?

– Да нормальный...

– Вот и хорошо. Как отправишь группу, пусть там, у кубинцев, остаётся твой Загорский, для связи с группой и тобой. Потому что ты вернёшься обратно в посольство уже для связи с Москвой. Чтоб в любой момент мог ответить на любой вопрос. И ещё два очень важных

момента. Кубинцев в операцию ни под каким соусом не посвящай. Второе, не менее важное. Ты и твой Загорский лично несёте ответственность за операцию. Там, наверху, держат всё это на контроле. И если что – то пойдёт не так, я тебе ничем помочь не смогу. Я даже больше скажу – я в этом случае сделаю шаг назад и шаг влево, чтобы встать за твоей спиной. Ну, а если всё пройдёт, как положено – звездопад гарантирую. Но думаю, что всё будет нормально Ты стрелянный воробей и не мне тебя учить. Удачи, Сергей Иванович.

* * *

.... В лагерь к кубинским разведчикам Сысков и Загорский подъехали уже после обеда. Сам лагерь, когда-то был небольшим предприятием по переработке сельскохозяйственной продукции, где на довольно просторной территории вольготно располагалось несколько длинных лёгких дощатых зданий и пару таких же каменных. И всё это кубинцы по прибытию сюда переоборудовали в небольшую военную базу: помимо казарм, штабных, тыловых помещений и складов, здесь было много места для построений личного состава, спортгородка и ещё довольно пространства для проведения занятий. Но самое главное – оно располагалось на довольно высоком холме и за хоть и невысоким, но всё-таки приличным каменным забором, где по всему периметру были оборудованы хорошо защищённые огневые точки и позиции, в случае обстрела, опасны будут только миномётные разрывы, а пули пройдут выше. Остальная местность – такие же холмы, но высотой пониже, покрытые жёлтой и жёсткой травой с неизменными одиночными пальмами. А если посмотреть на север-восток с крыши самого высокого здания лагеря, то можно различить тёмную полосу джунглей, тянувшихся до самой границы с Гондурасом, где хозяевами уже были контрас.

Кубинцы здесь располагались на протяжении уже полутора лет и хорошо обжили место. Да и порядок в округе навели. До их прихода здесь очень вольготно чувствовали себя контрас и другая криминальная шваль, с которыми власти не могли справиться. А кубинцы, в течение пары месяцев, решительно зачистили округу и теперь сюда никто не решался соваться. Постоянно в лагере находилось три разведроты с разных кубинских дивизий и менялись они раз в месяц. То есть одна рота уходила, вместо неё приходила новая и в лагере всегда было две трети личного состава знающих местные условия и обстановку, а вновь прибывшие, на их фоне, плавно и спокойно вливались в боевые будни. Через месяц менялась другая рота и опять в лагере преобладали опытные и знающие подразделения, основным занятием которых была контр партизанская борьба. Каждую неделю, а то раз в три, четыре дня из лагеря в рейд, в джунгли, уходили группы по 12-15 человек для поисков и уничтожения баз и лагерей контрас. Уходили, как правило, на неделю, возвращались, отдыхали, приводили себя в порядок и снова в рейд. Эта была хорошая практика и наработка боевого опыта для кубинских разведчиков. Если разведчики находились здесь по три месяца, то руководство лагеря и контрразведчики работали по полгода.

Так как атташе и Загорский хорошо знали испанский язык, а каждый второй кубинский офицер неплохо владел русским, общение с руководством лагеря проходило легко.

– Да, уже неделю как к нам прибыли русские разведчики, – подтвердили кубинцы, обменявшись лёгкими ироническими улыбками, что как-то нехорошо скребануло наблюдательных генерала и майора.

– Да, ни каких проблем. Если это нужно, то конечно они в вашем распоряжении. Хотя мы их планировали через три дня отправить в рейд, вместе с нашими. Но ничего страшного...

– Да, конечно, разместим вас. У нас как раз свободна комната. Сейчас вас туда отведут, а вечером милости просим «на огонёк». Посидим, пообщаемся....

А через пятнадцать минут атташе и майор Загорский познакомились со старшим группы майором Никитиным. Он сразу понравился обоим. Высокий, поджарый, волевое лицо, хоть сразу на обложку любого журнала или на экраны кинотеатров. Также толково доложил о группе и цели их присутствия в лагере кубинцев.

– Группа девять офицеров. Двое: я, майор Никитин и старший лейтенант Скачков с Кубы, где проходим службу в разведке, – здесь Никитин слегка слукавил, так как только Скачков был разведчиком, а он сам со штаба главного военного советника. Но ему в свою очередь тоже понравились и спокойный, доброжелательный военный атташе и его помощник, и ему хотелось выглядеть в их глазах чуть лучше, – а остальные пять офицеров с Московского военного округа, а двое с ЗабВо. Группа оружием и всем остальным укомплектована. Люди готовы к выполнению поставленных задач.

- Это хорошо, что готовы. Мне сказали, что через три дня вы идёте в рейд с кубинцами?
- Так точно, товарищ генерал-майор.
- Где сейчас группа и чем занимается?
- На спортгородке. Тренируемся.
- Тогда пойдёте и посмотрим на них.

Они вышли из помещения и не спеша направились за каменное здание к импровизированному спортгородку.

Никитин сначала насторожился, когда сказали, что его вызывают к себе приехавшие посольские, но сейчас уже успокоился, считая их банальными проверяющими. Сысков с Загорским, помня своё ГРУшное прошлое, думали что увидят сейчас офицеров в активной тренировке и мокрыми от пота. Но были слегка разочарованы. Как такого занятия спортом не было. Русские офицеры, разбившись на несколько групп, беззаботно сидели в тени чахлах деревьев на обрубках брёвен, служивших примитивной прес-качалкой. Человека три курили, усиленно пуская дым в небо, лениво перебрасываясь словами. Один, чуть в сторонке, уткнулся в книгу, двое откровенно спали в тенёчке на редкой и пыльной траве, остальные сидели около импровизированного ринга и наблюдали за спаррингом двух кубинских разведчиков. А вот два кубинских взвода разведки активно разминались, готовясь к пробежке по небольшой полосе препятствий. Никитину стало неудобно перед посольскими за откровенный балдёж подчинённых и он несколько сбивчиво доложил: – Перекур, товарищ генерал-майор...

– Чего ты всё товарищ генерал-майор, да генерал-майор...? Давай общаться, как у нас принято – по имени и отчеству. Сергей Иванович меня... А Тебя?

- Меня..., – Никитин слегка замылся, – меня Игорь Андреевич.
- Ну, вот и хорошо. Майора Загорского – Геннадий Петрович.

Увидев своё начальство и двоих гражданских с ним, руководящего вида и явно русских, группа майора Никитина поднялись со своих мест, лёгким пинком разбудив спящих, и не спеша построилась в одну шеренгу. Офицеры смотрели открыто и с любопытством. А когда майор Никитин представил приехавших, стали по очереди представляться, когда генерал начал обходить небольшой строй.

Что ж и группой посольские тоже остались довольны, даже старший лейтенант не выбивался из линейки майоров и капитанов. Люди были спокойны, отвечали уверенно.

Обойдя из здорового любопытства весь лагерь и осмотрев оборонительные сооружения, они вновь оказались в просторной комнате для гостей. Всё это время Никитин усиленно ломал голову над причиной приезда ГРУшников. Зачем? Чего им надо? Может от скуки, решили развеяться? Хорошо, если они с собой пойло привезли, а то ведь где-то сейчас самому придётся доставать и вечером накрывать стол и ублажать неожиданно свалившихся гостей с неприятными полномочиями. Впрочем, когда оказались в помещении, всё стало понятно. Атташе протянул лист бумаги, где чёрным по белому было прописано приказание – Группа майора Никитина поступает в распоряжение военного атташе посольства Никарагуа генерала-майора Сыскова С. И.

– Понятно. – Никитин бегло и по диагонали прочитал приказ, выцепив там свою фамилию, вернул бумагу генералу и мигом весело прикинул про себя. – Тоже неплохо. Сейчас навер-

няка соберёмся и завтра выдвинемся в посольство. Лучше там, чем здесь в глуши. Манагуа хоть посмотрим....

– Слушаю, Сергей Иванович.

– Теперь о предстоящей задаче. Тонкостей и подробностей вам знать не обязательно. Но от успеха операции зависят государственные интересы Советского Союза и Республики Куба в этом важном для нас регионе. Задание для вас обычное. Наверняка вы такие выполняли и раньше. Выполните и сейчас, я в этом даже не сомневаюсь. Суть в следующем – надо перейти границу Гондураса, выйти к базе, где находятся группа зелёноберетчиков, уничтожить их и вернуться обратно. Ну, естественно, если повезёт взять кого-нибудь живым – это только будет приветствоваться. Это в двух словах. В ходе подготовки мы обговорим подробно остальные этапы операции. Начало – послезавтра утром. – Генерал поощрительно улыбнулся, готовый услышать некое тривиальное, типа – Ясно. Что ж сделаем – нам не привыкать...

Но на лице майора Никитина застыла лёгкая задумчивость и деревянная улыбка, потом она как-то оживилась, он ещё раз улыбнулся, но уже широко и открыто, и спросил утверждающе, кивнув при этом головой: – Это такой план учений...?

– Не..., какой план учений? Это боевая задача. – Слегка недоумённо сказал Сысков и глянул на своего помощника.

– А..., ну понятно..., – как-то опять не совсем в лад, неуверенно протянул Никитин и задумался на несколько секунд, уйдя в себя. Потом встрепенулся и начал сбивчиво говорить, – то есть. Подождите..., чего-то я не совсем понимаю. Мы должны перейти границу. То есть моя группа? Угу... Найти базу американцев и напасть на неё. А сколько там их будет? Угу..., тоже девять человек. Понятно. Мы их убиваем и уходим за границу обратно... И это не учение, а всё на самом деле? Так понимать?

– Да... А что тебе, товарищ майор, не понятно? – Сысков незаметно для себя перешёл на официальное обращение и как бы за поддержкой опять повернулся к тоже недоумевающему Загорскому, – Геннадий Петрович, я что-то не так сказал?

– Да нет, Сергей Иванович, всё так. Товарищ майор, я не пойму что за проблемы? – Властно спросил Загорский, вдруг явно повеселевшего майора. И Никитин ответил, ввергнув генерала и его помощника в нешуточное изумление своим ответом.

– Да вы, товарищ генерал-майор, не туда приехали. Ошиблись, короче говоря, – откровенно развеселился Никитин, – вы уж извините, но вам в другой лагерь надо.

– Как в другой? – Тупо спросил Сысков, замерев посередине комнаты.

– Ну, я не знаю... Я обещаю, и если нужно дам подписку о неразглашении того, что вы мне тут рассказали. А так идите к кубинцам и спрашивайте, как проехать в другой лагерь, – уверенно закончил майор.

В комнате повисла тягостная и одновременно озадаченная тишина. Генерал с майором Загорским недоумённо переглядывались, а майор Никитин с интересом смотрел на них. Первым пришёл в себя генерал.

– Нееее..., – твёрдо произнёс он, – давайте разбираться.

Снова достал из папки приказ и внимательно прочитал его.

– Товарищ майор, предъявите мне приказ на основании чего вы здесь находитесь. – Жёстко потребовал атташе.

– Сейчас принесу, товарищ генерал-майор.

Пока майор ходил за бумагой, генерал молчал и всё больше и больше уверовался, что он ошибиться просто не мог. Загорский сидел с нейтральным выражением лица, а в душе веселился над проколом начальника. Уж больно уверенно держался майор Никитин.

– Вот, товарищ генерал-майор, читайте.

Генерал положил на стол оба приказа и с минуту их внимательно читал. Потом беззлобно матюкнулся и сунул бумаги Никитину: – На..., сам читай... Генерала в маразме хотел обви-

нить... Вот молодёжь пошла... Ну, надо ж, а я чуть сам не поверил, что так лопухнулся. Ну что удостоверился. Вот так то. Что тебе непонятно?

Никитин морщил лоб, выпячивал губы, потом надул щёки и уже чуть ли не жалобно, простонал: – Товарищ генерал-майор, тут какая-то путаница....

– Ну что там тебя опять не устраивает? Слушай, майор, я всё понимаю. Для вас вот это всё, – Сысков широким жестом обвёл руками стены помещения, – это отдых. И рейды вместе с кубинцами – прогулка по экзотическому лесу. Вы расслабились и я это увидел на спортивном городке, а приезжает какой-то генерал и надо куда-то переться, крутиться, а неохота. Никитин, давай собирайся духом, телом, включай мозги и давай заниматься делом, чему мы и предназначены. Давай не упрямься, времени мало...

– Тут говорится про группу разведчиков во главе с майором Никитиным...

– Ну, всё правильно..., – нетерпеливо и одновременно возмущённо произнёс генерал.

– Так мы не разведчики... И не спецназ...

– А кто...? – Чуть ли не хором и громко прозвучал вопрос.

– Нууу..., мы вроде бы и разведчики..., но не совсем разведчики... Товарищ генерал-майор, дайте мне пять минут и я всё подробно расскажу...

Никитин собрался с духом и начал говорить, а по ходу рассказа лица слушавших офицеров сначала вытягивались в удивлении, а потом на них застыла маска жесточайшего разочарования.

– Пи пи пи пи и пи пи..., – только и смог произнести генерал кучу матерных слов, которых он не произносил уже давно, а Никитин наоборот от облегчения повеселел, считая что генерал со своим майором после всех разъяснений, соберётся и уедет искать других для выполнения поставленной задачи.

– А-хе-ре-ть..., – растерянно поддержал своего начальника Загорский. А генерал, придя в себя, мгновенно ожесточился, – А нам по хер всё, что ты тут рассказал. Мы ничего не слышали. И я ничего не знаю. Есть приказ и его будем выполнять. Ты понимаешь, что у нас нет другого выхода. Нету в Никарагуа другой группы... Нету.... И точка. Всё колхоз закончился...

Никитин попытался закинуть удочку насчёт использования в операции кубинских разведчиков, но его уже зло обругал Загорский. А когда они оба услышали лепет Никитина, что ему надо посоветоваться с группой, возмущённых криков и воплей было выше крыши. Майор ушёл, а генерал с горечью констатировал: – Блядь, хоть самим идти. Ну и удружил, Григорий Яковлевич. Что хоть будем делать? – Обратился он к своему заму.

Загорский и сам был в некоторой прострации от сложившейся дебильной ситуации и лихорадочно прикидывал в уме разные варианты: – Может быть, хоть остальные не такие соплежуи, как этот? Может быть, всё сейчас устаканится?

– Вот, вот... Только на это и остаётся надеяться. Но если и там такие же, то все остальные наши действия будут чреватые уже для нас. И у нас только один выход – группа должна выйти на задание при любом раскладе...

Никитин тем временем уныло брёл на спортгородок и только не вопил от горя и от той ситуации, в которой так глупо оказался. И не только оказался – сам, своими руками её сотворил.

Майор Никитин по сути был неплохим мужиком. Да и как офицер, считался на своём месте. Штабном месте. С детства мечтал быть разведчиком, но уж так сложилось, что по окончании училища нехотая подсуетился отец со своими блатными знакомствами и лейтенант Никитин сразу попал в штаб Московского военного округа в третьеразрядный отдел. Сначала переживал, жутко завидовал своим сослуживцам по училищу, которые попали в войска. Но в то же время достаточно трезво оценил и все плюсы штабной службы и зависть как-то незаметно прошла. Показал себя грамотным, ответственным и стал весьма быстро продвигаться вверх по служебной лестнице, дослужившись в этом отделе до майора. Лишь иной раз, когда оказы-

вался в компании офицеров-командников, слушая под водчонку их живые и весёлые рассказы о кипучей жизни в войсках, грубо и жёстко ворошилась зависть. Вот живут же люди – активно и интересно, не то что я, глядя из окна штабного кабинета. Поэтому в таких компаниях он сидел и молчал, что здорово его угнетало, но с другой стороны он правильно понимал, что идти в войска уже поздно. А ведь хотелось, и ещё как хотелось..., тоже небрежно что-нибудь рассказать, да про такое чтоб от удивления кто-нибудь присвистнул, хлопнул по плечу в знак признания, что он такой же, как и они.

Пришло время, сам подсуетился, отец поднял свои связи и Никитин оказался на Кубе, опять на тёплом местечке, в аппарате Главного военного советника. Должность – не пыльная и «не бей лежачего», служилось и жилось легко, а рядом с Гаваной, в часе езды отдельная 7ая мотострелковая бригада. Или как она официально называлась «Учебный центр» – неуга-симый источник зависти. Где такие же майоры с пренебрежением поглядывали на него, когда он туда иной раз приезжал. Обострённым чувством зависти ощущал, что обычный, рядовой майор бригады, в неофициальном ранге, был на несколько порядков выше, чем он – майора аппарата советника. И хоть ты треснишь башкой об асфальт, ты никогда не сможешь с этим майором быть наравне. Прошёл год службы на Кубе и всё чаще и чаще Никитин стал задумываться – О чём он будет рассказывать, когда вернётся в Союз? Ну, расскажет о чудесном и вкусном мороженом, о крепком пиве в парафиновых бокалах, о пляжах Санта Марии, Гуанабо, О Гаване и крепости Эль Моро, много о чём сможет рассказать. Но ведь народ скажет – Ты же там не гражданским инженером работал? А майором!!!! Вот и возникла полгода назад у него авантюрная идея. Имея обширные связи в кубинской военной среде, перетолковав кое с кем из них, узнал что запросто вместе с кубинцами, а ему хотелось именно с разведчиками, можно смотаться на месяц в одну из трёх стран, где кубинцы воевали. Это – Эфиопия, Ангола и Никарагуа. В Эфиопию нужно было лететь много часов на ИЛ-76ом, а Никитин не совсем хорошо переносил такие полёты. В Анголу плывут кораблём две недели, что тоже не подходило, а вот в Никарагуа, самолётом и всего три часа. Это уже можно потерпеть. Но обо всём этом нужно сначала обговорить с Главным военным советником, получить у него предварительное «Добро», и получить такое же «Добро» от Москвы, но уже окончательное. И если это выгорит – то это было – Ого... го...го. И запись в личном деле об участии в боевых действиях в условиях жаркого климата, да ещё в составе иностранной армии. И неплохие деньги, и не надо скидывать и такой момент – как боевая кубинская награда, о которой можно, с теми же кубашами, договориться. И тогда..., В Союзе..., можно за столом или ещё где-нибудь с пренебрежением сказать, выслушав очередной военный рассказ: – Да, это ерунда... Вот когда я в разведке служил в Никарагуа и принимал участие в ихней Гражданской войне... – И что-нибудь такое сбавать, да ещё небрежно ткнуть пальцем в колодочку кубинскую на груди... И никто ничего не сможет сказать поперёк...

Главный военный советник идею, официальная версия которой звучала, что с Никитиным на такие сборы поедут четыре-пять разведчиков с бригады, одобрил и пообещал, что её озвучит в Москве перед вышестоящим начальством. Прошло два месяца. Генерал-лейтенант вернулся с очередного совещания в Москве и довёл до Никитина: – Всё нормально, идея тоже там понравилась, сейчас её они там проработают и месяца через два будет решение.

Решение пришло, но не совсем такое, какого бы хотелось для майора.

– Никитин, с тебя хороший стол в «Тропикане», – с добродушным весельем произнёс Главный военный советник, когда майор сел напротив своего начальника.

– Если вы о том, о чём я думаю – никаких проблем – «до» и «после», товарищ генерал-лейтенант. А, может быть, и ещё что-нибудь придумаю, – с весёлым и с лёгким скабрёзным намёком отпарировал Никитин.

– То..., то..., товарищ майор, только Москва свои изменения внесла. Ну, тут уж извини меня – Москва есть Москва.

– Я вас слушаю, товарищ генерал-лейтенант, – насторожился майор

– Ты планировал с собой четыре-пять человек разведчиков взять с разведроты бригады.

Но вот тут-то и есть изменения. Москва разрешила тебе с собой взять только одного. Это раз. А два – следующее... Ты наверно слышал анекдот – Что у генералов свои дети есть? Ну вот, не только ты один такой хитрый оказался. Так что к тебе ещё придут из Московского военного округа семь офицеров. Ну, ты должен понять – кто это такие будут. Тоже там, в Никарагуа, отметятся, ну и тебе не лишним будут такие знакомства...

Никитин облегчённо перевёл дыхание: – Ну, товарищ генерал-лейтенант, это ерунда. Я уж думал, что-нибудь другое Москва учудила...

– Вот и ладненько. Ты давай договаривайся с кубинцами, а как сроки будут известны, я сразу же звоню в Москву....

Майор всё сделал и с тяжёлым сердцем поехал объясняться с бригадными разведчиками, которым так много пообещал. Но всё сложилась как раз нормально и даже неплохо. Он сначала зашёл в штаб бригады и совершенно случайно узнал, что даже если у него и получилось – он не смог бы их забрать. Как раз в это время должна приехать комиссия с ген. штаба и комбриг даже слышать об этом не хочет. Вооружённый такой положительной информацией, Никитин пришёл к разведчиком и разыграл целую драму, якобы от самих разведчиков он узнал о их невозможности принять участие на предстоящих сборах разведчиков. Осторожно, чтобы разведчики не догадались, выведал у них – кого бы можно было с собой взять с бригады. А вернувшись в свой штаб, через Главного военного советника, выдернул в командировку, сроком на один месяц, старшего лейтенанта Скачкова с Учебного центра «Д». Типа на сборы разведчиков, на другом конце острова. Но тут он жёстко прошибся. Думал молодого старлея использовать, как своего адъютанта, который в знак благодарности за такое дело, будет в рот ему смотреть, а тут приезжает старший лейтенант возрастом в тридцать три года, который в армии прошёл даже медные трубы, прямолинейный «как доска» и на всё у него своё виденье. А тут прилетели и остальные генеральские сынки и протеже различного высокого начальства, которые смотрели на Никитина как через стекло, хотя и вынуждены были ему подчиняться. Три майора и четыре капитана. Группа сама по себе разношёрстная: трое из них дети и племянники высокопоставленных военных чинов, а четверо протеже высоких генералов.

...Никитин в расстройстве даже присел на кучу досок, как только скрылся за углом здания.

– Так..., надо посидеть немного... Спокойно прикинуть, как быть, что говорить этой «золотой молодёжи». Конечно, они откажутся.... Главное, чтоб это было единодушным отказом и не от меня исходило, а не так – как будто я их настроил. И им ничего не будет, потому что за ними люди с большими погонами и я не сгорю. – А то, что так и будет, майор и не сомневался. За эти дни он успел немного узнать людей и примерно представлял – Кто и чем дышит.

Никитин достал из нагрудного кармана небольшой список, подчинённого состава и бегло пробежал его. В принципе, тут всё было ясно. Только вот старший лейтенант Скачков выбивался из общего ряда – тот ещё то может ляпнуть и сделать.

Старший лейтенант Скачков, Валера, из солдат, после срочки стал прапорщиком, а потом через несколько лет офицером. Всё время служил в войсках, упрямый, даже можно сказать упёртый. Если что задумал – сделает всё по-своему.... Хоть кол на башке чеши. Никитин даже немного его побаивался. Говоришь ему или рассказываешь что, а тот сидит с непроницаемым лицом и непонятно – то ли он верит тебе, то ли смеётся про себя, а может вообще что-нибудь скажет вразрез рассказанного. Он как раз из тех командников, кому и завидовал Никитин.

А остальные, те как на ладони. Блин, дослужились до капитанов и майоров, а всё меряют жизнь и людей по ширине папиных погон. Взять хотя бы Алексея Бызова, капитан, 28 лет. Папа высокопоставленный военный начальник Министерства обороны, когда-то, в начале военной карьеры покомандовал три месяца взводом, чем страшно гордился и считал себя настоя-

щий войсковым офицером. Очень ревниво относился к рассказам Скачкова, когда тот рассказывал про своих подчинённых и про службу в войсках. Всегда пытался оспорить его слова, а сам ничего толком рассказать не мог. Скачков с ним по этому поводу в спор не вступал, а лишь презрительно кривил губами. А тот всё сбивался на свою светскую жизнь: в каких ресторанах гудел, сколько баб перетрахал и какую машину ему подарит папа после этой командировки. У его папы должность была выше и на одну большую звезду на погонах больше чем у отца капитана Свиридова, да и Игорь был на год моложе, отчего у Бызова иной раз прорывались покровительственные нотки в общении с коллегой из «золотой молодёжи». Оба, в наивной и обеспеченной юности, даже знали немного друг друга. И здесь они держались обычно вдвоём.

А вот майор Алёхин, хоть тоже из этой самой молодёжи, но держался просто, не выпендривался и с ним можно было решить любой вопрос. Также всю свою армейскую службу прослужил по штабам, благодаря своему папе, заместителю министра связи и считал огромным минусом для себя, что никогда не командовал подразделениями и бойцами. Поэтому когда появилась возможность поехать в эту командировку, с удовольствием согласился, пытаясь хоть этим сделать минус покороче. Вдобавок папа пообещал, что по возвращению из командировки, он куда надо позвонит и следующая ступенька карьерного роста будет взята, может быть удастся и досрочно звание пробить.

Майор Поташников – Андрей Иванович, как он всегда представляется всем и прямо навязывал, чтобы его так звали в неофициальной обстановке. Было ему 32 года, а Валере Скачкову 33 года и у Никитина как-то язык не поворачивался называть Поташникова по имени и отчеству, да и не заслужил он этого ещё. И наверно и не заслужит. Лстыивый, желающий угодить любому, кто выше его по положению или по происхождению, как в случаи с генеральскими сынками. Андрей Иванович в Союзе, кого-то очень хорошо облизал, в результате чего и попал сюда. И здесь мечется: то подлизется к генеральским сынкам, а как их нет поблизости к Никитину или же к Скачкову, которого откровенно боялся, так как тот пригрозил начистить Поташникову харю, если тот не перестанет «вилять перед всякими хвостом».

Да..., ещё ведь майор Кривов. Также, как и Скачков прослужил в войсках и всё время командовал людьми. Также самостоятельный и независимый. Близок по духу Валере или наоборот – тут не совсем понятно, кто первую скрипку играет в этом тандеме. Когда-то он вовремя или прогнулся перед высоким начальством, или хорошо показал себя и это высокое начальство стало для него «паровозом». Оно вызвало к себе майора Кривова, по-отечески усадило в кресло: – Саша, я скоро ухажу на покой. Устал. И вот напоследок хочу тебя хорошо двинуть вверх. Пробил тут интересную командировку. Сгоняешь туда и тогда смогу тебя двинуть вот на эту должность...

Когда Кривов услышал, что это за должность, он чуть не задохнулся от восторга и открывающимся возможностям. Так что майор Кривов в такой ситуации вполне предсказуемо поведёт.

Есть ещё два капитана Цветков и Снегирёв. С ЗабВо – замороженные, как втихушку говорит Бызов. Так и держатся вдвоём. Оба молчуна, больше слушают, чем рассказывают. В принципе, неплохие офицеры, но плывут по течению и как выскажется большинство, то и их мнение будет соответствовать общему. Оба тоже с учебки, как и Поташников....

– Ты чего расселся? Я уж думал, что ты с офицерами разговариваешь, настраиваешь людей, а ты тут прохлаждаешься, – налетел с ходу майор Загорский, внезапно появившийся из-за угла. Сысков послал его «на разведку»: посмотреть – как там обстановка...

– Вот сию сам и настраиваюсь..., – окрысился Никитин и вдруг попёр буром на Загорского, который присел рядом с ним, – сидите там, в посольствах, и думаете только о своих тёплых местечках, да как бы в данном моменте выпнуть нас под пули. На..., смотри, генералу твоему не сказал, а тебе скажу. Смотри...

Никитин несколькими судорожными движениями достал из кармана огрызок карандаша и стал ставить галочки: – Иди, доведи до своего генерала, пусть подумает и об этом тоже. Где галочки стоят – это дети вон тех..., которые повыше будут, чем твой Сысков, а где минусы, они не дети, но за ними тоже не хилые дяди стоят. На список и иди, а я к ним пойду. Только весь расклад уже наперёд знаю. – Сунул список группы в руки слегка растерявшегося Загорского, вскочил и злой походкой направился в сторону спортгородка, где продолжали открыто валять «Ваньку» подчинённые офицеры.

Загорский в свою очередь недоумённо покрутил в руках список, тоже встал и направился в другую сторону, обсуждать внезапно возникшую скользкую ситуацию.

Новая информация неприятно удивила генерала. Он проглядел список и в сильном раздражении бросил его на стол: – Ты, Геннадий Петрович, этих начальников знаешь?

Загорский снова взял список, пробежал глазами и снова положил на стол: – Да как-то нет... и фамилии простые и распространённые...

– Да, фамилии простые, только вот люди за ними – не простые. И даже я – генерал ГРУ, для них – «Эй, генерал»... А кто за остальными стоят – это ещё тот вопрос. Ну, Григорий Яковлевич, ну и подставил, – ещё больше загоревал Сысков, а помычав невразумительно о своём, в упор спросил своего помощника.

– Чего молчишь, Геннадий Петрович? Посоветуй что-нибудь старому генералу.

Загорский с протяжным стоном сменил позу и откинулся на стенку помещения, прикрыл глаза и, подумав чуток, заговорил: – Конечно, ситуация хреновая. Если мы всё-таки пошлём группу, или ещё лучше группа сама спокойно и уверенно уйдёт на задание – то инициатива на нашей стороне и шансы переиграть американцев в этом случае тоже в большинстве на нашей стороне. Хотя на чуть-чуть, но в большинстве. Всё-таки мы сейчас знаем, что они там, у себя на базе, и там их можем прищучить. Если мы не пошлём группу, или примем решение перенести время и место переговоров, то мы теряем инициативу и она полностью переходит к противнику. Зелёные береты всё равно уйдут с базы выполнять задачу и где они тогда нанесут удар – ещё тот вопрос. Тут у нас с вами головы только так полетят. Если группа уйдёт и выполнит задачу, хоть и с потерями всех этих сынков и протеже – это один расклад. Я считаю для нас благоприятный расклад. Если группа погибнет и не выполнит задачу – это уже другое и в этом случае разменной монетой тоже будут наши головы. Вот тут и надо взвесить все варианты. Ехать сейчас в посольство и докладывать о сложившейся ситуации – значит показать свою беспомощность и беззубость. А исходя из этого, моё видение следующее – надо делать всё, чтобы группа ушла. Давить на самолюбие, приказывать, стращать и ставить по стойке «Смирно», но заставить их уйти на выполнение задания. В случае удачи мы с вами берём всё, а в ином случае даже думать не хочется. Хотя тут тоже есть варианты. Если группа не сумеет пройти район контролируемый контраст и там погибнет – это будет самый хреновый расклад. Нам поставят в вину, что выпнули совершенно не готовую группу. Если же группа пройдёт и как это не печально ляжет в бою с зелёноберетчиками – это более оптимистический вариант. И тут будет два момента. Либо после этого американцы пойдут всё-таки на продолжение операции, даже понимая, что весь замысел их раскрыт, либо откажутся. Если первый вариант: то думаю – больших разборок не будет. Конечно, нас отдерут, но приватно. Офицеры погибнут в честном бою, а большие дяди много шума подымать тоже не будут, понимая, что при тщательном расследовании может многое чего лишнего всплыть. Политическая обстановка в стране сейчас не та, чтобы светится... Если всё-таки американцы после гибели нашей группы всё-таки пойдут – то Москва волей-неволей будут вынуждены слать сюда в пожарном порядке подготовленный спецназ. Так что вот такие, в общем мысли.

– Молодец, молодец, примерно также и я думаю. Давай подождём немного и идём к ним.

Придя на спортгородок, майор Никитин объявил срочный «Сбор» в спальном помещении, где можно было без лишних свидетелей и ушей (почти каждый второй кубинец неплохо знал русский язык) довести поставленную задачу и обсудить её.

Дождавшись, когда все удобно расположились на своих местах, майор нейтральным и ровным голосом начал говорить: – Товарищи офицеры, как вы уже знаете генерал Сысков и майор Загорский прибыли из посольства и относятся к аппарату военного атташе. Для тех, кто не знает некоторых особенностей – это ГРУ. Для особо непонятных – Главное Разведывательное управление. Меня только что ознакомили с приказом, что наша группа полностью переходит в их подчинение.

Офицеры, сидевшие сначала настороженные, расслабились, в помещении поднялся оживлённый шум и посыпались веселые реплики, предполагающие ближайшее будущее.

– Ну, сейчас заберут в посольство, а то надоела эта дыра..., во... во..., пивка то попьём... Валера..., Валера..., Скачков, какое тут пиво нормальное...? Да, откуда он знает? Он же с Кубы... Траву будем красить и дорожки подметать, явно кто-то из шишкарей прилетает... А я бабу хочу, уже восемь дней, как баб не видел...

Народ веселился, а Никитин молча и бесстрастно смотрел на всё это, давая им выплеснуть эмоции, обратив внимание, что двое участие в веселье не принимали – Скачков и Кривов. Они озабоченно шушукались друг с другом, вопросительно поглядывая в сторону старшего, которого пронзил очередной укол зависти: – Вот, что значит служить в войсках.... Сразу поняли, что ни пивом, ни посольством здесь не пахнет...

– Что...? Закончили веселиться? – Дождавшись, когда вал реплик и подколок закончится, Никитин перешёл в наступление, – а теперь слушайте задачу, которую поставил перед нами военный атташе. Послезавтра утром нас вывозят в джунгли, контролируемые контраст, в течение двух суток совершаем скрытный марш и выходим к границе Гондураса. Переходим её, углубляемся на двадцать километров до базы, где находятся зелёные береты в количестве девять человек. Уничтожаем их и возвращаемся на территорию Никарагуа. Всё это надо сделать за четыре дня.

В помещении мгновенно повисла изумлённая тишина, когда все с недоумением переглядывались друг с другом, как бы спрашивая – А не послышалось ли это мне? А потом все дружно усталились на майора Никитина.

– Да, да..., это вам не послышалось. И предваряя idiotские вопросы, довожу – идём вот этой группой, – майор обвёл руками сидящих, – и никакие кубинцы нам не помогают. И если у кого-то мелькают мысли, что я шучу или так весело разыгрываю вас, то хочу жестоко разочаровать – всё взаправду. Так что задачу я озвучил, теперь жду от вас предложений – Как будем выполнять?

Никитин вёл себя почти безупречно и никто не мог сейчас усомниться в том, что он по деловому настроен на выполнение задачи. Он сказал всё, что должен сказать, как начальник и как командир группы, осталось ответить на уточняющие вопросы, выслушать пожелания, предложения и приступить к подготовке. Но прекрасно понимал, в какую сторону свернёт это обсуждение и тогда он смело может доложить начальству – Я лично готов выполнить, а вот мои подчинённые нет. И тут ничего поделать не могу. Никитин чист – а тех дураков, за невыполнение приказа пусть прикрывают папы, дяди и «паровозы».

Так оно и получилось. Капитан Бызов протяжно просвистел и, не стесняясь, высказал общее мнение: – Ни фуя себе....

Никитин болезненно поморщился: – Товарищ капитан, давайте без мата. Не в курилке находимся и не те вопросы обсуждаем. Если есть что по заданию сказать – Говори.

– Какое обсуждение? О чём тут говорить? Нас как пушечное мясо хотят использовать. Там зелёные береты..., обученные, натренированные и вы хотите, чтобы мы их вальнули. Вы-то сами башкой думаете, товарищ майор? Как минимум три к одному там надо иметь. Правильно

я говорю? – Бызов возмущённо обернулся к сидящим позади него товарищам и те согласно и нестройно поддержали его, – Вот, и другие тоже говорят... А тут девять на девять. Ладно, были бы мы действительно разведчиками, но мы же сюда приехали только опыт перенимать. Да что там зелёноберетчики, да мы в джунглях и дня без подготовленных кубинцев не продержимся. Так что идите, товарищ майор, и вот эти доводы приводите генералу. Пусть ищет другую группу. Правильно я говорю? – Капитан опять обернулся к остальным за поддержкой и все, кроме Скачкова и Кривова, невразумительным мычанием и киванием голов поддержали товарища.

– Эээээ... дорогой товарищ Бызов, – Никитин ехидно погрозил пальцем капитану, – никуда я не пойду. Нам..., не только поставили задачу – а озвучили приказ Москвы. Боевой приказ. И я, отлично понимая все минусы и нюансы, готов пойти на этот авантюрный план. А то, что ты сейчас предлагаешь – это невыполнение приказа. Ещё раз повторяю – Боевого приказа. И это как минимум позорное увольнение из армии. Про максимум вообще говорить не буду, не дети чай.... Сейчас я услышал только твоё личное мнение, Бызов. Больше никто так определённо не высказывался и поэтому никуда не пойду. А теперь выслушаем и других. Может быть, есть совершенно другие настроения. А так посоветую, так сказать, из личного военного и жизненного опыта, если кое у кого его не хватает. Предлагаю, всё спокойно и поделовому обсудить. Выработать общее мнение и вот тогда... Только сразу предупреждаю – я это мнение докладывать не пойду. У меня за спиной, да и у Скачкова ещё, в отличие от вас, никого нет....

Бурное обсуждение могло затянуться надолго, но этого не случилось. Дверь открылась и в помещение по-хозяйски вошли Сысков и Загорский.

– Товарищи офицеры, – Никитин поднял офицеров и доложил генералу, который колючим и недоброжелательным взглядом обежал хмурые и неприветливые лица офицеров, старательно избегавших взгляда, правильно оценил обстановку, решив действовать жёстко и взяв инициативу в свои руки.

– Я всё про вас знаю, – с ходу начал военный атташе без всяких вступлений и преамбул, – знаю все ваши хитрые моменты, знаю кто вы, как сюда попали, для чего и зачем. Может быть, в другой обстановке я бы сам одобрительно отозвался о таких манёврах тех, кто это придумал и послал вас сюда. Но сейчас мне на это наплевать. Вы здесь, больше никого нет, кроме вас и есть приказ Москвы и этот приказ вы будете выполнять.

– Товарищ майор, – повернулся он к Никитину, – приказ доведён?

– Так точно, но нам надо некоторое время чтобы обсудить его....

– А что тут обсуждать? Нам..., что выйти отсюда? А при нас значит стесняетесь? Понятно, понятно... Только вы забыли, что вы Офицеры и времени на бессмысленные обсуждения нету... Поэтому буду ставить вопрос рёбром и начну с младшего по воинскому званию.

– Товарищ старший лейтенант, – Скачков вскочил с табурета и принял строевую стойку, – вам приказ понятен?

– Так точно?

– Готовы к выполнению?

– Так точно.

– Вопросы есть?

– Только насчёт оружия и укомплектованности....

– Об этом позже. Следующий..., капитан..., – взгляд генерала требовательно уткнулся в Бызова и тот, помедлив мгновение, с явной досадой на лице, стал подыматься с табурета.

– Капитан Бызов. Приказ понятен, но...

– Меня не интересует «Но»... Я хочу услышать – Готовы вы выполнить приказ? – Прервал генерал капитана и жёстко вывел того на нужное ему направление.

Бызов неожиданно для себя надул по-детски щёки, отчего у него смешно выпучились глаза и повернулся за поддержкой к товарищам. Но те шkodливо закулили глазами, искоса и пытливо поглядывая друг на друга....

Генерал тяжело и коротко вздохнул, глядя на это блудливое переглядывание: – Так..., так..., понятно....

Сысков многозначительно постучал пальцем по часам: – Никитин, тридцать минут..., потом прихожу и начинаем работать нормально..., без этого блядства.

Как только за посольскими закрылась дверь, Бызов зло зашипел на Скачкова: – Скачков, ты что охерел? Какое готов? Какое оружие? Мы же договорились... Нам же надо держаться вместе...

Так же зло высказался Свиридов и ему подтявкали тихим голосом Поташников. Но старший лейтенант набычился и, зло ощерившись, стал отругиваться: – Это вы охерели... Я с вами ни о чём не договаривался... Это ты, Бызов, здесь верещал, а у меня своё видение и мнение. И армия приучила меня приказы выполнять. Понятно вам? И на твоё личное мнение мне наплевать – Я иду на это задание....

– Да ты там, блядь, сдохнешь? Ты этого что ли не понимаешь...? Ты башкой своей думаешь или жопой? – Это уже выкрикнул Свиридов, вскочив со своего места, поддерживая товарища. Даже застучал себя по голове, подчёркивая тупость решения Скачкова.

– Да ты сядь, сядь и по башке не стучи и так там своих мозгов нет, одни понты. Чтоб не думали что я быдло тупорылое и не из деревни, раскрою небольшой секрет – Я тоже знаю, что такое чёрная «Волга» подъезжающая к трапу самолёта или на перрон вокзала к твоему вагону фирменного поезда. У меня мать секретарь обкома, только по жизни не она за меня решения принимает, а я сам. Ну, старлей, ну срочную служил и прапором был – зато всё сам и сам принимаю решения. И сам за это себя уважаю. А ты бесишься сейчас, да и твои дружки, что не можете папе позвонить, чтобы он за вас здесь всё уладил. Да пошли вы....

От такой резкой и откровенной отповеди в помещении возникла тишина, которую через несколько секунд нарушил майор Кривов. Тот неторопливо поднялся на ноги, прокашлялся и твёрдо сказал: – Я тоже пойду, – и сел обратно на место.

Никитин про себя бессильно матюкнулся, правда, внешне это не было заметно, а Бызов опять взвился: – О..., ещё один герой появился. Вас в войсках, что там – на одну колодку еба...т...?

– Ты, капитан, говори да не забывайся. И слова выбирай, а то я быстро напомню, что ты с майором разговариваешь. Не знаю как в штабах, а в войсках за такие слова можно и получить..., – угроза со стороны Кривова прозвучала недвусмысленно и немного охладила пыл Бызова, но не остановила его. Он всё ещё надеялся сплочённым фронтом отказаться от задания, правильно понимая молчание Никитина и лихорадочно просчитывая шансы. Если даже эти двое и согласны, а остальные нет, то можно спокойно констатировать – группа не отказывается от выполнения, а просто – НЕ ГОТОВА... Тогда можно будет даже красиво выпутаться из некрасивой ситуации.

– Хорошо, будем считать, что у нас два в «жопу военных» есть. Я вот, например, не хочу подставлять свой лоб под пулю даже хоть и зелёноберетчика. Игорь ты чего? – Бызов уверенно рулил ситуацией и старался навязать своё видение и волю.

– Да я, Алексей, точно также думаю, как и ты. Не хер там нам делать. – Голос Свиридова был спокоен и уверенный.

– Так – два-два. – Ехидно протянул Бызов. То, что Поташников будет на их стороне он не сомневался. Алёхин тоже будет с ними. Никитин – там всё понятно. Вести на убой людей он не хочет, да и самому ложиться в гроб тоже. А капитаны Цветков и Снегирёв, те молча примут позицию большинства.

– Считай три-два, – послышался голос Алёхина, тот встал и из своего угла, прошёл через всё помещение и сел рядом со Скачковым и Кривовым.

– Ты что с ними? – Искренне удивился Бызов, никак не ожидавший, такого поступка от своего собрата.

– Я хоть и не с войск, но с ними хочу быть..., – Скачков и Кривов, звучно и хлётко, с лёту шлёпнули ладонями с ладонью Алёхина. А капитан Свиридов, тоже удивлённый таким поступком, вдруг встал со своего табурета и перешёл на сторону Бызова и по помещению пролегла полоса отчуждения.

– Ладно, раз так дело пошло, тогда будем действовать по этому принципу. Андрей Иванович, – подсластил пилюлю майору Поташникову, которого до этого ни разу не назвал по имени отчеству, – ваше слово.

И майор заёрзал на своём месте. Ему хотелось гордо сидеть рядом с тремя, без сомнения выбравшими трудный и опасный путь, сидеть и с превосходством поглядывать на остальных. Но он банально боялся и не хотел, просто не желал таким опасным и зыбким путём завоёвывать авторитет. Но и примкнуть к генеральским сынкам тоже боялся. Им то что? Их то прикроют, а вот его.... Его просто выпнут под жопу на гражданку и что он там будет делать на свои инженерские 120 рублей. Да и не привык работать майор.... Вот какое правильное решение принять, чтобы потом не обосраться и не пролететь...?

Присутствующие с любопытством смотрели на Поташникова, открыто читая на лице все его колебания.

– Ну что, Андрей Иванович....? – Подтолкнул к решению Бызов.

– Что, что? Не знаю, что сказать..., – сдулся майор и тихо добавил, – сейчас подумаю и приму решение.

– МДааа..., – с презрением в голосе протянул Бызов, – как ты, Андрей Иванович, до майора вот так дослужиться сумел? Ну, а вы?

Это он повернулся к двум капитанам, которые закончили шептаться. Те молча встали и также молча сели на кровати, но уже в группе согласных с приказом.

– МДАаааа..., – снова, но уже долго и с пониманием проигрыша протянул Бызов и с надеждой глянул на Никитина.

Если до капитанов Никитин держался внешне неплохо, то тут он поник. Тяжело опустился на табурет, опустил голову и секунд пятнадцать смотрел на деревянный пол. Потом поднял голову и обречённым тоном, как будто надо сразу становиться на край расстрельного рва протянул: – Значит такая судьба..., значит надо идти...

– Всё..., я не хочу никуда идти, – услышав тоскливый голос старшего, внезапно вскинулся Поташников.

– Да пошёл ты на фуй..., майор..., – смачно послал Поташникова Бызов, – раньше надо было башкой думать. Примкнул бы к нам, те два дурака, – кивок на Цветкова и Снегирёва, – и те бы тоже тогда примкнули к нам. Вот и расклад другой. А теперь: раз большинство хотят идти на убой, нам отказываться не вслед. Товарищ майор, идите докладывайте генералу.

– Иди сам докладывай и бери руководство на себя. Я пойду рядовым бойцом, но вести вас и брать ответственность на себя не хочу.

– Оп-па-на..., – удивился Бызов и не только он, – вы знаете, я что-то тоже не хочу брать на себя ответственность. Даже, как бы и не хотелось. Понимаю, что у меня нет опыта, так что, товарищ майор, вы хоть на Кубе служите... Так что давайте....

Никитин выпрямился оглядел всех долгим взглядом и ткнул пальцем в Скачкова: – Скачков, принимай команду.... Ты всё-таки хоть и артиллерийский разведчик, но разведчик. И там, на Кубе, по полям и лесам бегал....

Вот этого уже категорически не хотели Бызов и Свиридов.

– А чего это Скачков? – Чуть ли не одновременно ревниво воскликнули капитаны. – Вон пусть тогда, Алёхин, командование принимает. Майор всё-таки.

Но тут заартачился Алёхин: – Если бы тебя, Алексей, старшим поставили, то я бы отказался, потому что ты дальше штаба никуда не ходил. А вот с Валерой пойдёшь.

После бурного и непродолжительного обсуждения, решили – старшим всё-таки будет Скачков и Бызову со Свиридовым пришлось смириться.

– Давай, Скачков, иди докладывай генералу, что группа готова к выполнению задания, – хлопнул ладонями по коленкам майор Никитин, как бы подводя итог всех обсуждений.

– Неее..., товарищ майор, пойдёмте вместе, а то как-то не совсем красиво получится. Всё-таки я старший лейтенант.

Сысков и Загорской даже не удивились такой рокировке и не стали вдаваться в подробности. Главное группа решила идти. Единственно, что генерал сделал – это назначил уже своей властью Никитина замом у Скачкова.

– Через час список, что вам надо и чего не хватает – мне на стол, – генерал значительно постучал ладонью по столу, беря начальственную инициативу в свои руки, – завтра утром строевой смотр готовности. Смотрим, устраняем недостатки... Ну и там определяемся со временем выхода. Идите, и так времени много бестолку потрачено.

Список составляли коллегиально, усевшись вокруг стола. Вот тут-то впервые и показал свою компетентность Скачков. Обозначив цифрой двадцать следующий пункт, старший лейтенант сказал.

– Репелен хороший у кубинцев надо попросить.

– А зачем? Я целую канистру привёз сюда... Всем хватит, – солидно заявил Никитин.

– Какая такая канистра? – Удивлённо поднял брови Скачков.

– Как какая? – Никитин поднялся с табурета, прошёл к кровати, нагнулся и вытащил оттуда небольшую зелёную канистру и поставил её на стол. – Вот. 10 литров. Наш медик расщедрился.

Старший лейтенант откинул крышку с горловины и засунул вовнутрь палец. Достал и внимательно осмотрел тягучую, желтоватого цвета жидкость. Понюхал и мазнул себя по руке, после чего веско высказался: – Херня это, а не репелен и медик ваш дальше пляжа Санта Марии никуда не ездил.

– Почему это херня? – Никитину вдруг стало обидно за медика, обидно за себя, понимая, что если репелен действительно туфтовый, то и так низкая планка его авторитета опустится ещё ниже, – репелен, как репелен...

– Ну, тогда попробуйте на себе, а мы посмотрим, – ехидно предложил Скачков.

Почувствовав, что проигрывает спор, Никитин плеснул чуток маслянистой и тяжёлой жидкости на ладонь, энергично растёр её и помазал голые по локоть руки: – Ну, нанёс. Ну и что?

– А вот мы подождём минуточку и посмотрим, – все замолчали с, любопытством ожидая продолжение, а через минуту Скачков довольный собой рассмеялся, – стёклышко на часах небось из пластмассы...

– Ёкарный бабай, – Никитин стал судорожно стирать с часов попавший при растирании репелен, а Скачков жизнерадостно заржал.

– Ну всё, товарищ майор, хрен вы время теперь так просто посмотрите. Теперь только в упор и только одним глазом.

– Что это за херня? – Никитин под смешки присутствующих крутил в руках часы.

– Да это жировой репелен. Я уже с ним сталкивался. У него следующие недостатки. Первое: время эффективного действия три часа. Хотя в инструкции пишется шесть часов. Второе: он «тяжёлый» и жировой составляющей основой залепляет все поры. Вот если здесь мазаться, то он ещё потянет. А в условиях усиленного марша, когда от пота раскрываются на коже поры,

он своим жиром их закрывает. А тело тоже дышит порами. Вот и представьте себе: и так тяжело, и воздуха не хватает. В довершение всего, расширяются потовые железы и туда он тоже попадает и начинает хорошо щипать. И чем больше ты чешешься, тем больше щипает. Ну а третье, вы видели – все пластмассовые пуговицы плывут только так....

– Так не надо мазать пуговицы..., – пробурчал Никитин, чтобы оставить за собой хотя бы последнее слово.

– А никто и не мажет. Большая часть репелена остаётся на руках, а когда потными руками, да с репеленом начинаешь лапать всё подряд, вот потом и несёшь свои штаны в руках. Так что надо брать у кубинцев «Дету». Распыляется, без запаха. Шесть часов действия. Да ещё жировой с запахом и чем больше потеешь, тем сильнее и резче запах.

– А исходя из этого, пункт номер двадцать один – вазелин и вата. Каждому.

– А зачем нам вазелин? – Подал голос Поташников.

– А он нас там в задницу трам – тара – рам..., – блудливо засмеялся Бызов, а отсмеявшись похотливо продолжил, – знаете как в том анекдоте – Вазелин вызывали...

Переждав смешки, Скачков хмурым взглядом окинул Бызова и Свиридова, которые больше всех веселились и сыпали подколками.

– Ну что, закончили смехуё...ки бросать? Если ты, Алексей с Игорем, такие умные – вот и доложи, только уже серьёзно, для чего нам нужен вазелин и вата?

– Пффф..., пфффффф..., – пустив воздух сквозь губы, Бызов обернулся за помощью к другу, но и Свиридов ответа не знал, лишь только пожал плечами. Пустив теперь воздух, через левый уголок губ, капитан вынужден был признать своё поражение.

– Вот, вот, – покровительственно произнёс старший лейтенант и задал неожиданный вопрос, – а ты, Алексей, что носишь – трусы или плавки?

– А с чего бы тебе это надо? – Настороженно спросил Бызов, но потом всё-таки ответил, – трусы ношу. Люблю, чтобы член свободно болтался и проветривался.

– Во.., и чтоб последняя капли по ноге стекала..., – удовлетворённо произнёс Скачков, – это отдельным пунктом записывать не будем, но завтра, все кто носит трусы на строевом смотре стоят в плавках. Если у кого их нет, идите к кубинцам занимайте, покупайте, но в трусах ни один из вас в рейд не пойдёт.

– С чёго бы это? Давай объясняй..., – впервые подал голос капитан Цветков.

– Конечно, объясню. Всё очень просто. В условиях тропиков, особенно в джунглях, где помимо высокой температуры, высокая влажность, сразу же начинаешь исходить потом. Минут через пятнадцать хорошего марша на тебе всё мокрое, в том числе и трусы. И противоположная штанина, от той, где у тебя болтается член, начинает скатываться и задираться под яйцо, что доставляет определённые физические неудобства и психологический дискомфорт, потому что всё время надо останавливаться, запускать в штаны руку и расправлять скатанную штанину. Ладно бы это, ты начинаешь терять темп движения, задерживать группу, начинаешь злиться, периодически теряешь контроль за окружающим пространством. Это только цветочки. Чуть запустишь этот процесс, скрученная штанина начинает натирать пах, туда попадает пот и розочка, в условиях тропиков, в два часа тебе обеспечена. Розочка для нас, для кого-нибудь в джунглях – это верная предпосылка для невыполнения задачи. Если словил розочку, то выход только один. Растёгиваешь штаны, достаёшь оттуда всё хозяйство вместе с яйцами, подхватываешь обеими руками снизу и вот так идёшь. По другому не получается. – Увлёкшись рассказом, Скачков встал в нелепую позу и изобразил, как он руками берёт яйца и потом шагает, – Над чем вы смеётесь, дураки? Я ж не для смеха рассказываю, всё это видел и уже проходил. Слава богу, не на себе и в мирной обстановке. Там хоть можно было смеяться....

– А вазелин нам тоже не помешает....

.....После того, как готовый список, что необходимо, лёг на стол к генералу, который с Загорским всё это будут выдавливать из кубинцев, началась нервная подготовка в самой

группе. Все опять переругались, но дело хоть и со скрипом двигалось вперёд. И оставшийся остаток дня прошёл в суете и в добавлении к составленному уже списку, всё новых и новых пунктов, что теперь здорово нервировало генерала и его майора, ведущие непростые переговоры с командованием кубинцев. Сысков с Загорским матерились, видя эти новые пункты, но шли опять к кубинцам, склоняли свою выю и снова просили, и опять просили.

Кубинцы в свою очередь, наблюдая необычную чехарду у русских и будучи в полнейшем неведении о том, что задумали их старшие союзники, шли навстречу просьбам и в свою очередь пытались разгадать суть происходящего. То что русские шли самостоятельно в рейд и причём серьёзный – это было однозначно. Но наблюдая их в течение почти двух недель, тоже можно было однозначно сказать, что они от разведки также далеки, как Куба от Советского Союза. Но они шли и не просили помощи, а отсюда напрашивался только один вывод. Русские – матёрые диверсанты и довольно умело сыграли роль неумех, чтобы ввести всех – кубинцев и противника, в заблуждение, а потом нанести внезапный удар. Вот цель этого удара и очень интересовала командование кубинцев. Не только интересовало, но и заедало: как так – они тут контролировали огромный кусок территории до самой границы Гондураса. Знали, всё что происходит практически на каждом квадратном километре, чуть ли не в лицо всех партизан-контрас, без их разрешения никто не мог даже пёрднуть и приходят русские, и оказывается они, кто тут сидит и работает месяцами – ничего не знают. Ах так – Значит надо узнать....

И кубинцы стали спешно готовить свою группу из пятнадцати человек, самых опытных и крутых разведчиков, для которых джунгли «лес родной», а бой в лесу «обычная махаловка в пивной». Задача кубинских разведчиков – незаметно следовать за группой русских на незначительном расстоянии. Узнать, что надо русским и если будет возможность – опередить их.

Ночь принесла только небольшой перерыв в череде бесконечной беготни, в уже бессмысленном переключении и укладывании в вещмешках боеприпасов, сухих пайков: что-то добавлялось, что-то наоборот безжалостно выкидывалось, но потом опять возвращалось на место, а выкидывалось уже другое. Опять ругань, мелкие обиды – не то старлей сказал капитану, не так почтительно обозвал майора, слишком безапелляционно приказал и так далее и тому подобное. А следующий день, принёс ещё больше... Правильно говорит бессмертная армейская поговорка – На русских нападать не надо, им достаточно объявить войну и они сами затрахают себя строевыми смотрами.... Вот следующий день и превратился в один сплошной строевой смотр и лишь под вечер Сысков с Загорским, сожалеющим взглядом, окинув строй затраханых офицеров, обречённо вздохнули и вынуждены были констатировать – группа укомплектована и готова к выполнению задания. Хотя при другой обстановке и других обстоятельствах сами бы стёрли в порошок любого, кто бы вот так доложил об этой группе.

Генерал долгим взглядом посмотрел на часы, как будто там было всё написано и ему только и оставалось прочесть: – На этом всё. Оружие и снаряжение сосредоточить в своей комнате. Время сейчас восемнадцать пятнадцать. Отдохните. Употребление спиртных напитков запрещаю. Подъём завтра в пять часов, завтрак, погрузка на машину, в шесть выезжаем.

До ужина все без сил валялись по своим кроватям, лишь изредка перекидываясь короткими и нейтральными фразами. А после ужина немножко повеселели и, разбившись на группки, просто наслаждались последними часами покоя и безопасности.

Генерал устало лежал на кровати в задумчивости, ожидая прихода Загорского, которого послал посмотреть, чем занимаются офицеры. Чертовски хотелось выпить и хоть на немножко скинуть напряжение и расслабиться.

– Годы, годы уже берут своё. А ведь вроде бы совсем недавно мог работать по 24 часа в сутки, помимо этого бегать на блядки, участвовать в офицерских пирушках и чёрте чего ещё успевал делать. Мда..., выполнить бы эту задачу, получить под жопу отдел и пусть подчинённые расхлёбывают низовую работу, а я буду грамотно ставить задачу и руководить ими....

Хлопнула дверь, прервав благостные мечты стареющего генерала, и в комнате нарисовался мрачноватый майор Загорский.

– Ну что там? – Спросил генерал, которому явно не понравился вид подчинённого.

Загорский сел и тяжело облокотился на голый, без скатерти, стол: – Зря мы, Сергей Иванович, дали им время для отдыха. Сейчас они кучкуются, шепчутся и как бы задний ход не дали. Надо было их по самую макушку загрузить, чтобы сразу спать вырубались, а с подъёма прямо в машину. А уж в джунглях волей неволей придётся работать.

Но генерал только мудро усмехнулся и легко, как будто не размышлял пять минут назад грустно о своём возрасте, поднялся с кровати.

– Давай-ка, Геннадий Петрович, выпьем немного, – открыл тумбочку и достал оттуда бутылку виски и банку тушёнки, придвинув её к майору, – на, открывай, а я хлеб порежу....

– Это ты неправильно мыслишь. Нельзя людей до конца закручивать, когда они на такое дело идут. Ну, хорошо. Упадут они уставшие и злые на кровати... Хорошо если уснут сразу... А если нет? И начнут ночью думать и шушукаться, а с утра не выспавшихся, не отдохнувших да на машину. Вот тут-то не знаю, что им может в башку прийти. Ещё и оружие покидают на землю, да погоны начнут рвать на виду у кубинцев. На хрен нам такой цирк нужен? Я уже проходил такое...

Всё это он говорил спокойно и вдумчиво, пока аккуратно резал хлеб, доставал стаканы и всё это выставлял на стол. Также не спеша разлил виски и непонятно для чего посмотрел бутылку на свет и поставил её на стол: – Ладно, давай выпьем просто так – без тостов и пожеланий.

Выпили и генерал крикнул от удовольствия: – Вот какая сволочь говорит, что виски самогонкой пахнет. Отличная выпивка и хлебом пахнет – да... Да..., так вот. Наоборот, пусть хотя бы немного отдохнут, пусть покучкуются, пошепчутся. Ничего страшного. Если вдруг кто-то взбеленится и пойдёт в отказ – будет время спокойно с этим человеком поговорить, успокоить и направить его в правильное русло. Я думаю, что если кто и сломается, то первым будет Поташников. Но это полбеды. Его или уговорим или же уйдут восемь человек. Меня в этом плане очень волнуют звёздные мальчики. Вот если они..., то это даже думать не хочется. Хочешь не хочешь, а шесть человек – это есть шесть. Оооо..., что тогда будет.... Нам... Ты-то сам как видишь? Давай, успокаивай старика.

– Ну уж, какой вы старик? Меня ещё вон за пояс запросто заткнёте. Поташников, действительно самое слабое звено и даже если пойдёт, как он там будет действовать ещё тот вопрос....

Начальник и подчинённый намахнули ещё по одной и стали не спеша лазить ложками в банку с тушёнкой.

– Я тут, Сергей Иванович, невольным свидетелем разговора стал между Скачковым и Поташниковым. Они-то меня не видели, а я их слышал. Вот Поташников нервно подходит и говорит Скачкову – Валера, ведь на то что мы идём, невыполнимо. Ты на что надеешься?

– Ну и что ответил? – Генерал заинтересованно уставился на Загорского.

– Вы знаете, очень грамотно ответил. Я бы именно в том ключе, как он ответил, даже не додумался бы. А он ему говорит – Вот вся беда твоя в том, Андрей Иванович, что ты всю службу прослужил в учебке, где всем рулят сержанты и они же выполняли все задачи... Ну, тот горячо вспыхнул, типа – Ты меня не учи, а отвечай когда тебя спрашивают... А Скачков таким ему голосом – Нет, Андрей Иванович, раз ты с таким вопросом подходишь, то я тебя поучу, а ты стой и слушай. Вернёмся живыми – это тебе потом пригодится. Не хочешь учиться и слушать – пошёл тогда на хер.

Тот помялся, помялся – Хорошо, учи...

Вот Скачков и говорит. Если смотреть на любую сложную задачу, то она всегда кажется невыполнимой. Поэтому любую задачу надо разбить на несколько этапов. Чем сложнее задача

– тем больше этапов и они мельче. Ты говоришь – задача невыполнима, а я говорю – не задача, а фигня....

Поташников аж рот открыл в изумлении от такого заявления. А Скачков продолжает.

– Вот смотри. Первый этап – подготовка. Что тут невыполнимого? Ты же видишь – всё идёт нормально. Второй этап – нас вывозят к месту входа в джунгли. Что тут невыполнимого? Третий этап – надо сорок километров пройти по джунглям до границы Гондураса. А здесь какие проблемы? Что..., сорок километров не пройдёшь? Да за один день пройдем... Какие наши годы? Базы контрас мы знаем и обойдем их стороной. Тут то что? Выйдем к границе, осмотримся и перейдем реку. Тоже проблем не вижу. Это тебе не советскую границу переходить, которая на замке. Двадцать километров до базы американцев только так пройдем, тем более что на карте там местность совершенно не джунгли. Придем, понаблюдаем за базой, определимся с планом атаки, а кто атакует..., да ещё внезапно.... А ты вдумайся, Андрей Иванович, они там себя в безопасности чувствуют. Вот уже у нас и инициатива в руках. Навязываем бой, уничтожаем и уходим. Остальные этапы в обратном порядке. Вот и всё. Вернулись, задачу выполнили – медали на грудь...

– Тыфу ты чёрт..., – генерал в сердцах плюнул и резко плескнул виски в кружки, – либо наш Скачков ИДИОТ, начитавшийся книжек про пьонэров-героев во время войны, либо толковый парень. И нам только и остаётся ставить на его толковость, тем более что все его действия пока это подтверждают. Вернётся и выполнит задание – всё положу на это, но буду ходатайствовать о Герое ему...

Ну, а если не выполнят... Вот уж собак на нас навесят, как на длиннющий забор. Начнут орать – Всё свалили на бестолкового старшего лейтенанта..., Если некого было послать старшим – сами должны были идти....

Сысков вдруг засмеялся и откинулся на спинку стула: – Ёлки-палки... Как только у них в группе эта бодяга началась, как только Никитин глазки свои стал в стороны отводить.... У меня тогда шальная мысль мелькнула – Надо всё это дело самому возглавить.... А потом здраво помыслил: дойду – не дойду, убьют – не убьют, выполню – не выполню... А что скажут в Москве если выполню? А что скажут, если не выполню? На этой сраной работе постепенно паршивым политиком становлюсь. А было бы мне лет, как у тебя – плюнул бы на всё и ушёл с парнями.

А отсюда другая мысль появилась – Тебя старшим поставит. Но как подумал, что здесь останусь один: не с кем посоветоваться, обсудить какие либо моменты.... Да я тут с ума сойду. По-честному сказать, во всей этой стране только с тобой могу откровенно разговаривать и что-то обсуждать. Посол у нас дерево ДУБ. Да и у него другие задачи. А ты молодец и если генерал не прав, ты можешь это в лицо ему сказать и ещё объяснить в чём я не прав. Вот такие у нас дела. – Закончил откровенничать атташе.

– Да я пошёл бы..., лучше там быть, чем здесь сидеть, не имея возможности влиять на ситуацию. Вот зарок себе даю, Сергей Иванович – всё благополучно кончается. Начинаю себя в форму приводить. Бегать начну, жрать перестану и вплотную займусь спортом. А то все навыки так совсем растеряю....

....Скачков сидел на горячем камне, облокотившись спиной на каменную ограду и уже спокойно прикидывал – Всё ли сделано и ничего не упущено? Думалось хорошо и спокойно, оттого, что никто не стоял за душой и не дёргал разными умными и глупыми вопросами. Нет, вроде бы всё правильно сделано, хотя – как это иной раз бывает – Готовишься, готовишься, а потом БАЦ, оказывается забыл самую нужную вещь, без которой всё идёт прахом.

– Нет..., – ещё раз удовлетворённо подумал Скачков, – всё взяли, что нужно и даже ощущения нет, что могли что-то забыть.

Вскоре на камень рядом присел майор Кривов. Посидел молча, а потом, искоса поглядывая, вдруг спросил: – Слушай, Валера, хочу спросить... А ты что, правда из этой самой молодёжи и мать у тебя секретарь обкома или так звизданул? Чтоб их на место поставить.

– А тебе то что? Не пошёл бы со мной, если из тех?

– Да нет, пошёл бы. Просто ты не похож на них. Да и интересно. Мать секретарь обкома, а сын всего старший лейтенант.

– Аааа..., не заморачивайся... Просто звизданул. Правда, мать у меня сейчас действительно обкомовский работник, но только в обкоме профсоюзов. А так я из семьи простых и сам простой, как пять копеек. Но этих не люблю. А секрет, почему мне столько лет, а до сих пор старший лейтенант очень простой – Из училища меня попёрли из-за одного такого.

– Так ты всё-таки в училище учился, а то говорят ты из солдат.

– Учился, учился... только не долго. Я ж когда школу закончил, поехал в военное училище поступать в начале семидесятых. И ты знаешь, я был твёрдым троечником, а спокойно поступил. На курсе молодого бойца, в одно отделение со мной попал сын одного из замов командующего, одной из Групп войск. Парень не дурак, но очень гордился, что жил с родителями и учился за границей, кичился принадлежностью к «золотой молодёжи». А командиром отделения у нас был суворовец. Нормальный пацан, спокойный. Где-то за две недели до призыва ему приходит телеграмма – отец в тяжёлом состоянии и тот уезжает по семейным в отпуск. А когда уезжал, командир роты его спросил – Кто будет вместо него командиром отделения? Тот сказал – Скачков. И уехал. На следующий день, как уехал у нас был банный день и после помывки генеральский сынок отказался одевать трусы и майку. Нормальные трусы, нормальная майка, ну может несколько застиранные..., несколько большего размера... Все одевают, а он отказался. Говорит – Я плавки постирал сейчас их и одену, а это одевать не буду... И так пальчиками брезгливо... Я говорю – Нет, ни хрена..., одевай... А тот мне говорит – Я, мол, Валера, даже в ванной в простую воду не ложился. Всегда экстракт хвойный туда сыпал, а ты мне это надеть предлагаешь. Конечно, я с тайги приехал и слово хвойный экстракт не слышал и что это такое не знаю. Взбеленился из-за этого. Ну и всё. Слово за слово и драка. Драка то на равных была. Я ему морду разбил, а он мне напинал по рёбрам и по туловищу. Драку замяли и всё бы закончилось нормально. Но тут приезжает в командировку его папа и мчится в училище повидать отпрыска. А у того вся рожа во всех цветах радуги – от красного до фиолетового. Крик, вопли – Кто посмел? Приводят меня, а у меня на роже ни одного синячка. Под жопу и на гражданку. Кстати перед Кубой я его случайно встретил. Все звания прошёл с помощью папы досрочно – Майор. Преподаватель в училище. Пьянь и хронь. Его за пьянку с войск в училище сплывили, пока его папа у власти. Вот я их и не люблю. Хотя, конечно, смотрю – Что за человек.

– Понятно..., понятненько, – Кривов замолчал, кусая губы, и Скачков понял, что главный вопрос впереди и не ошибся.

– Валера, я тут наблюдаю за тобой эти два дня. У нас компания подобралась разношёрстная – от труса Поташникова, до звёздных мальчиков, а ты спокоен и уверенный. А у нас вероятность выполнения задачи таким составом 5%, остальные 95% – это смерть. Или ты это ничего не понимаешь, либо ты что-то знаешь, чего мы не знаем. Просвети...

– Уууу..., Саша, я знаю не больше вашего. Просто расчёты вероятности у меня другие и более оптимистичные. Ты 5 на 95 процентов считаешь, а я по-другому 50 на 50. Выполним задание или не выполним. Выживем или не выживем..., но я сделаю всё возможное, чтобы выполнить. А чего иду? Так тут совсем просто. Я осознанно шёл к этим погонам и раз выпало мне идти туда – то я и иду. Это мой долг. А вот тебе тогда вопрос. Раз ты считаешь такие минимальные шансы – Чего сам тогда идёшь? Откажись.

– Да отказаться проще всего. Только как потом жить? Как смотреть своим сыновьям в глаза? Они ж мною гордятся. Наш – папка МАЙОР. А я струсил.... Нет..., лучше здесь лягу.... Да..., будет им меня не хватать, но будут гордиться...., – Кривов помялся немного и добавил, – да и пообещали мне одну хорошую должность, когда вернусь и человека, который тянет меня, не хочется подводить. Так что я всё поставил на кон. Будь что будет.

Скачков приобнял за плечи товарища и слегка встряхнул его: – Саша..., ты чего рано себя и нас хоронишь. Всё будет нормально. А то, что разношёрстная компания – Вот начнём рейд и волей неволей придётся всем объединиться, чтобы выжить. Вон смотри и Алёхин к нам идёт.

Из дверей казармы вышли и остановились на ступеньках Бызов, Свиридов и Алёхин. Посмотрели в сторону сидящих у каменной изгороди Скачкова и Кривога, перекинулись словами и Алёхин направился к изгороди, а Бызов и Свиридов завернули за угол здания.

– Чего сидим? О чём базарим? – Евгений Алёхин с маху сел рядом с Кривовым и по привычке полез за сигаретами в карман, но тут же коротко матернулся, – чёрт, всё забываю, что курить решил бросить. Что хоть обсуждаем?

– Да всё одно и то же, Женя. Вот думаем с Сашей – С ними ты или с нами?

– Ну, если бы с ними, то и ушёл бы с ними базарить, а так я с вами. Валера, Саша, ну что вы? Я ж не виноват, что папа у меня такой... Что ж мне теперь...? Я ж нормальным офицером хочу быть..., – начал оправдываться Алёхин.

– Да ладно, ладно, Женя... Пошутить что ли нельзя?

В это время Свиридов и Бызов, основательно расположившись на спортгородке, достали сигареты и дружно задымили. Бызов беззаботно пускал в вечернее небо сизые дымки и терпеливо ждал, когда Свиридов начнёт вываливать на него кучу глупых вопросов. Был тот от природы недалёким и в жизни всегда скакал по поверхности. Сейчас он дымил нервно и также нервно начал разговор.

– Я понимаю, что Скачков обязан сейчас изображать идиотский оптимизм, показывая уверенность в благополучном исходе задания. Но ты то, Алексей, чего прямо светишься этой уверенностью? С какого хера? Я тебя совсем сегодня перестал понимать. Мы в жопу идём и непонятно, как оттуда выберемся... Да вообще – выберемся или нет? А у меня такое впечатление, что ты сейчас вскочишь и побежишь на задних лапках к Скачкову, как Алёхин. Я думал, что ты что-то придумал... А ты..., – Свиридов со злостью отбросил окурочок в сторону и полез за новой сигаретой.

Бызов снисходительно посмотрел на своего товарища и пыхнул в его сторону сигаретным дымом, после чего с чувством произнёс: – Ну и дурак ты, Игорёха...

– Не дурнее тебя..., – буркнул в ответ Свиридов и нахохлился, а Бызов, сверкнув весёлым глазом, стал терпеливо растолковывать своему товарищу «прописные» истины.

– Ты, Игорь, не обижайся на то, что я сейчас скажу. Живёшь ты по жизни легко, особо ни о чём не задумываясь. От того и глубоко не пашешь, так сказать не просчитываешь ситуацию на несколько ходов вперёд...

– Ну, блин, чемпион мира по шахматам нашёлся, – зло прервал Бызова Свиридов, – ты то сам что просчитал?

Бызов не обиделся на столь беспардонный выпад, а лишь загадочно ухмыльнулся.

– Сделаю вид, что я этого не слышал. Продолжаю... Есть такая прописная армейская истина – «Не спеши выполнять приказ – поступит команда Отставить»...

– Не понял? – Радостно вспыхнул Свиридов, – так это, что – проверка на вшивость была или просто учение?

– Ну и дурак же ты, дружище. Ты дай мне мысль дальше свою озвучить, – Свиридов в надежде было вскинулся, но поняв что всё это не так, вновь поник, продолжая тем не менее внимательно слушать более умного и продвинутого товарища, который внезапно задал непонятный вопрос.

– У тебя с военной топографией как?

– Как как? Нормально.

– Вот и у меня тоже. А ориентироваться по карте можешь?

– Ну ты что? Конечно, могу... Ты к чему такие глупые вопросы задаёшь?

– И я могу. А теперь следующий вопрос – Ты карту у Скачкова с нанесённым маршрутом видел?

– Видел, видел... Только я никак не могу понять ход твоей мысли.

– Ну ты и тупой... Там же одно зелёное пятно, с пунктирами то ли дорог, то ли троп, да с холмами, пограничная река, ну более менее территория Гондураса открытая. Вот как там в джунглях ориентироваться? Там же видно максимум на двадцать метров. Да мы там элементарно заблудимся. Сорок километров по джунглям и ни одного ориентира. Да ещё петлять надо, чтобы обойти лагерь контрабанды. Вот на это я и рассчитываю. Блуданём, как пить дать блуданём или выйдем хрен знает где. Все сроки просрём. Виноват – Скачков с Никитиным, а мы ни причём. Ну, побродим по лесу, москитов своей кровью покормим и придётся вернуться...

– Блинннн, слушайййй, а я ведь с этой стороны даже не задумывался. Ну ты, Алексей, и голова. Ведь точно, как там ориентироваться? – Свиридов уже беззаботно рассмеялся и шутливо толкнул кулаком своего товарища в плечо.

А вот Поташников был на грани нервного срыва и только ещё какими-то остатками воли держался от сваливания в панику. Он молча лежал на постели и со стороны можно было подумать, что майор спокойно спит, но на самом деле сотни разных мыслей и чувств одновременно бессмысленным вихрем колотились внутри черепа.

– Что делать? Что делать? Что делатъььььь? Я не хочу идти на убой. И отказываться нельзя одному – Сразу же вылетит из армии с волчьим билетом и без пенсии...

Жизнь и служба сложились у Поташникова надо сказать удачно. В училище он не высовывался из общей массы, но мог всегда беззастенчиво подлизаться или угодить старшине, замкомвзводу, отчего ходил регулярно в увольнение и гораздо реже по нарядам. После училища попал в учебку командиром взвода на капитанскую должность, где он только изображал своё присутствие, а всё остальное было отдано на откуп сержантам. А сам всюду занимался своими личными делами. Вовремя подсутился, «политически» правильно принял сторону командира полка в одном из не совсем красивых конфликтов, где тот был совершенно не прав. Но зато командир по достоинству оценил услугу и по прошествии времени, Андрей Иванович стал командиром роты и вовремя получил «майора». Всё сложилось хорошо и семейная жизнь, и две хорошеньких дочери. Надо отдать должное – Поташников был любящим мужем, заботливым отцом и всю свою душу вкладывал в семью. И командир полка как-то сразу пошёл вверх и тоже не забывал Поташникова. Он то и предложил эту командировку. И Поташников с радостью ухватился за неё. Надо сказать, что майор был посредственным командиром учебной роты – звёзд с неба не хватал, пахал неглубоко. Исполнял свои обязанности по минимуму, так чтобы не было сильных и громких залётов. Вся надежда была на бывшего командира полка, что тот его вытащит выше. У сослуживцев, за откровенный подхалимаж начальству, уважением не пользовался. И эту командировку, именно куда он едет, он от командования и сослуживцев скрыл – командирован в Москву на методические сборы. Думал, всё пройдёт нормально. Сумеет тут себе пробить медальку кубинскую. Вернётся и снова промолчит. А потом когда придёт в полк иностранная награда... Когда все в изумлении откроют рты... Вот тогда то он эти рты им и закроет. Так небрежно и загадочно скажет – Аааа..., у меня этих командировок... Служите тут ПИОНЕРЫ..., а другие воюют...

И вот..., съездил называется в командировку. Ёб..., переёб...

– Нет... Надо было сразу к Бызову и Свиридову примыкать. Вот дурак, вот дуракккк... Хватит лежать, надо их найти и ещё раз поговорить с ними.

Поташников как-то так сразу, как на пружинах, вскочил с кровати, немало удивив таким неожиданным скачком лежащих Цветкова и Снегирёва, и выбежал на улицу. У каменной ограды сидели Скачков с Кривовым и Алёхиным и над чем-то весело смеялись.

– Дебилы..., – мгновенно поставив диагноз, майор соскочил с крыльца и нырнул за здание. Он ожидал увидеть Бызова и Свиридова, озабоченно обсуждающих, как им выкрутятся из создавшегося положения. Но те сидели и беззаботно чирикали, спокойно покуривая сигареты.

– И эти тоже смирились.... Чёрт, значит судьба. – Поташников сразу сник, почти мгновенно покорившись такой коварной судьбе. Как-то сразу, одной лентой, перед его мысленным взором промелькнуло ближайшее будущее – похоронка и неверие близких в его смерть – он же уехал в простую командировку в Москву. Изумление сослуживцев и всего полка от его гибели не в Москве, а в разведке... И где... В Никарагуа. Даже услышал уважительные отзывы офицеров и начальства – Ты гляди-ка, тихий-тихий, а воннннааа.... где погиб...., в развееееедке... Так наверно и другие командировки, когда он уезжал – тоже куда-нибудь кидали. Ну и Андрей Иванович...., ну удивил...

Уважительные речи над могилой... Поташников с всхлипом втянул в себя воздух, расчувствовавшись и пожалевший, что этого он не увидит и не прочувствует.

– Ладно, семье будет тяжело, конечно, но хоть гордиться папкой будет....

Через две минуты, как за майором захлопнулась дверь, скрипнув пружинами, на своей кровати приподнялся Снегирёв: – Слава, ты чего делаешь?

Цветков, лежавший на кровати с книгой в руках, медленно повернул голову в сторону товарища: – Книгу читаю... Только ничего понять в ней не могу.

– Во, во..., за сорок минут ни одного листа не перевернул. – Снегирёв поудобнее расположился на кровати и продолжил, – Слава, слушай, пока никого нет, хочу перед тобой извиниться...

– Не понял? – Удивился Цветков и сел на кровати

– Мне ведь предложили командировку, а я тебя ещё предложил. Вижу ведь, как ты ходишь и мучаешься после ухода Татьяны.

– А..., брось, – Цветков махнул рукой, – всё нормально. Ты предложил – я согласился. Ты же честно сказал, что надо будет в несколько рейдов сходить.... Я доволен. Моя, перед тем, как дверью хлопнуть знаешь так ядовито заявила мне: – Как генералом станешь – приходи. Я твою кандидатуру рассмотрю вне очереди. Так что я всё это рассматриваю, как трамплин. Выживу, вернусь и всё сделаю, чтобы скакнать вверх и из этого сраного ЗабВо, где мы с тобой уже столько лет гниём. Вот тогда приеду к ней и скажу – Что – ждёшь? Да пошла ты....

В конце такого эмоционального монолога Снегирёв смеялся во весь голос.

– Слава, так у меня такая же херня. Моя все мозги мне проела... Всё на твою кивала... Вот Татьяна ушла и я уйду... Заколебала. Я перед отъездом так с ней поругался... Так она мне тоже заявила – Вернёшься в пустую квартиру. Да пошла она... Выживу, хрен женюсь в ближайшие пять лет. Погуляюююю..., а потом женюсь на простой русской женщине. Слава богу, этот период совместной жизни с московской штучкой позади.

На весёлый и заразительный хохот в помещение заглянули Скачков, Кривов и Алёхин. Узнав причину смеха и выслушав коротенькие и яркие семейные жизни, тоже смеялись, рассказывая в свою очередь о своих пиковых семейных отношениях. Потом появились Бызов и Свиридов, следом зашёл Поташников и Никитин и тоже включились в общий разговор и взрывы смеха продолжали периодически выплёскиваться на улицу.

– Смеются, значит уверены в удаче, – с удовлетворением констатировали генерал и майор, вышедшие проветриться на улицу.

Часть вторая

Перед тем как окончательно выехать из джунглей и рвануть в сторону базы, Загорский остановил машину, чтобы подправить жгут, сильно сдавливающий ногу, добавляя к боли от ранения дополнительные страдания, раздражающе отвлекая от управления автомобилем. Двигатель он тоже заглушил и когда, осторожно нагнувшись и кряхтя, болезненно морщась и постанывая, заканчивал возиться со жгутом, над окровавленной штаниной, услышал густую автоматную стрельбу примерно в том месте, где у них произошла стычка с контрас. Несмотря на парящую духоту узкой дороги среди густых зарослей, мигом покрылся ледяным потом, поняв, что группа Скачкова не сумела уйти в глубину джунглей и всё-таки наткнулась на отряд контрас и сейчас ведёт неравный бой.

– Блядьзьь....., – в отчаянии замотал головой и только и сумел безнадежно протянуть одно единственное слово, вложив туда всё без остатка, и машинально пододвинул по потёртому сиденью к себе трофейный автомат. Стрельба длилась минут пять и также стремительно заглохла и затихшие было джунгли перед жестокими человеческими разборками, вновь защебетали, зачирикали и завякали на все голоса, как будто ничего и не было.

Выждав ещё несколько минут, майор напряжённо вслушивался, надеясь всё-таки услышать продолжение стрельбы, подтверждающие что кто-то ещё может выжил и с боем прорывается из леса. Но кругом звучали только жизнеутверждающие звуки тропической природы, да что-то тихо и сухо потрескивало в раскалённом двигателе. Здравомыслив, Загорский понял – какие-либо активные действия с его стороны для оказания какой-либо помощи группе, совершенно бессмысленны и по сути бесполезны. Не было бы ранения, можно по тихому и скрытно пробраться к месту боя и разобраться – Что произошло? А так..., решение может быть только одно – Возвращение на базу.

Час езды в мрачном расположении духа, пролетел незаметно и вскоре, под поднятым на въезде базы шлагбаумом, он въехал на территорию. Генерал тяжёло встал со ступенек крыльца, на котором он терпеливо дожидался возвращения своего помощника в каком-то непонятно тягостном томлении. Он маялся ещё с того момента, как построил утром офицеров, готовых к выполнению опасного задания. Осмотрел и крякнул с долгим сожалеющим вздохом, коротко бросив – «С Богом»... Глядя на удаляющуюся машину, он вдруг ясно и отчётливо понял – Отправка группы в таком составе, на выполнение сложной задачи Ошибка – Грубая и фатальная. Но ничего уже нельзя было поделать. Попытался было себя успокоить тем, что сам, будучи молодым, ходил и выполнял более сложные задачи. Но тут же со злостью одёрнул себя: – Чего ты успокаиваешь себя? Тебя же, дурака, готовили и ходил ты с такими же подготовленными офицерами... А тут?

Попытался заглушить внутренний раздрай стаканом виски, но не получилось. А, увидев остановившийся грузовик около казармы и Загорского, открывшего дверь кабины и неуклюже копошившегося внутри, сердце ухнуло вниз, в предчувствие беды. А подойдя и рассмотрев штанину в крови и перетянутую резиновым жгутом ногу, тоскливо заматерился. На немой вопрос, майор удручённо мотнул головой на кузов, где Никитин так и лежал окровавленный и с мачеткой в горле. Генерал, горестно задёргал головой, оглядев через верх борта неподвижное тело, тяжело слез с колеса на землю и хрипло прокаркал: – А остальные где?

Загорский тяжело вздохнул, нервно покривившись лицом, и таким же хриплым голосом ответил: – Звиздец им, Сергей Иванович. Это меня и Никитина, когда мы на передовой дозор наткнулись, а остальные потом, когда в джунгли ушли наткнулись на основной отряд контрас... И всех..., в пять минут покروшили...

Как по сигналу, кубинцы до этого стоявшие и смотревшие на русских издали и с разных мест, двинулись к машине. Помогли вылезти из кабины майору Загорскому, сняли с кузова убитого и унесли куда-то за казарму.

– Геннадий Петрович, давай иди, лечись..., я тут сам..., – крикнул генерал в спину Загорскому, которого два кубинца уводили в санчасть, а через пару минут угнали и машину. Сысков опять сел на крыльцо и глубоко задумался над сложившейся ситуацией, прикидывая – Что делать дальше?

Делать здесь уже нечего. Сейчас Загорскому окажут первую помощь и надо двигать в посольство. Доложить о происшедшем в Москву и менять график встречи, место переговоров и кучу других необходимых манёвров с этим связанных. Ну..., естественно и выслушивать из Москвы очень неприятные орг. выводы в свой адрес и своего ближайшего будущего.

– Блядь, старый козёл..., – вдруг ожесточённо выругал себя Сысков в раскаянии, – надо было сразу решать о смене места переговоров, а не затевать эти милитаристические игры. Каких парней положили....

В это время в расположение, под поднятым шлагбаумом, захала ещё одна запылённая грузовая машина, к которой сразу кинулись кубинцы и засуетились, снимая оттуда двоих раненых кубинских разведчиков.

– Ууу..., и у них такие же проблемы, – невольно «порадовался» генерал, вяло наблюдая суету союзников.

Через час из-за угла казармы появился Загорский с окровавленной и разрезанной штаниной. Сильно хромая, прихивая и морщась, опираясь на палку, он приковылял к крыльцу.

– Я уж думал тебя так и будут носить на носилках. Что не воспользовался случаем? Раненый..., на законных основаниях смотался бы, а я бы один расхлёбывал. Ты в почёте, я в говне. Всё-таки неопытная вы молодёжь... Я бы точно смотался. – Угрюмо пошутил генерал.

Майор, с импровизированным посохом в руках, неловко топтался у крыльца, норовясь и прицеливаясь задницей как-то так присесть на крыльцо и не потревожить раненую ногу. Примерился и решительно хлопнулся задом рядом с начальником и облегчённо выдохнул: – Фуууу... Вот если бы мне кость перебили, я б тогда Сергей Иванович, точно от этого дела отмазался и тихо хихикал, лёжа на кровати. А вокруг меня медсёстры крутятся в коротеньких халатиках..., а их за попку, за попку... Мне ведь, как раненому герою, это позволительно. Но вот досада..., сквозное ранение и куда мне теперь, как не говно вместе хлебать..., – Сысков с Загорским перекидывались словами, со стороны шутивными, и может быть какого-нибудь сугубо гражданского и покорило от такой военной чёрствости – Люди погибли, а они тут между собой шуткуют... Но тут сидели профессионалы. Которые прошли через многое и многое видели, чего гражданские не видели даже в кино. И сейчас, перекидываясь мячиками слов, они психологически готовились, настраивались к новому этапу действий и отнюдь не лёгкому этапу.

– Ладно..., ладно..., расшутился. Как там у тебя? – Ворчливо произнёс генерал довольный, что он не один.

– Да нормально. Закололи, забинтовали... Вот видите..., даже хожу немного. Правда, ходить много мне не разрешают, но я и сидя могу работать. Голову ведь не прострелили.

– Да..., ещё бы голову тебе прострелили. Мне бы твоя Зина, мою бы голову оторвала и не посмотрела, что я генерал. А так скажу – Погано мне..., ой как погано. Загубили мы парней ни за что ни про что..., – генерал помотал поникшей головой и надолго замолчал. Потом справился с собой и предложил, – Как хоть произошло? Рассказывай....

Загорский тяжело вздохнул и понурил голову: – Сергей Иванович, я ведь тоже виноват. Расслабился на этой посольской работе. Всё забыл, весь наработанный опыт просрал. Если бы я сработал профессионально, когда остановились на дороге в джунглях. Спешились, выставил

наблюдателя спереди, сзади.... А я как лох.... Вместе со всеми скучился за машиной.... Вот Никитин и погиб из-за этого.

Генерал болезненно поморщился: – Геннадий Петрович, хорош... И так на душе тошно. Давай собирайся, сейчас нужно всё чётко оценить и принимать решение. Потом всё будет... И объяснительные..., и обвинения..... До конца жизни....

Майор зло вскинулся: – Ни хера кубинцы не владеют обстановкой в окрестностях. Всё звиздели, что тут они всё контролируют, чуть ли не каждый житель завербован ими, что контраст сюда нос боится сунуть. Тут они..., контраст... Мы не заметили, вернее я прошляпил, а на нас вышел передовой дозор. Блядь..., а Поташников-то, молодец. Первый троих срезал. Правда, потом испугался...

..... – Приехали. Слезай. – В кузове бодро зашевелились, а Скачков открыл дверцу и с картой в руках выскочил на обочину, если так это можно было назвать. Буйная, густая растительность почти вплотную подступала к дороге, закрывая обзор со всех сторон.

Загорский заглушил двигатель и, убаюканный мирным видом узкой дороги, просматриваемой метров на пятьдесят вперёд, беспечно вылез из кабины и пошёл за машину. Здесь уже крутился на месте Скачков, ориентируя карту по развилке дорог в двадцати метрах сзади. Никитин, задрал голову, распоряжался разгрузкой. Хотя чего тут распоряжаться: люди сами, не спеша слезали, подавали вещмешки и оружие. Кто получил своё, сразу лезли за сигаретами, зная, что это последние сигареты. Скачков вчера строго предупредил: – Парни, вышли на марш – курево под строжайшим запретом. В джунглях и в лесу запах сигаретного дыма, выдаёт сразу и издалека...., – вот и доставали и курили. Среди них, как молодой солдат, заполошно метался Поташников, а потом подскочил к Скачкову, склонившимся с Никитиным над картой.

– Валера, ты вчера про медицинский жгут говорил, а я забыл....

– Да и хрен с ним теперь, – отмахнулся Скачков, а Загорский засмеялся и подсказал.

– Иди в кабину, там в ногах аптечка валяется. Может быть, там есть...

Вот эта бестолковая суета Поташникова и спасла всех от мгновенного уничтожения. Майор, из-за кузова, выскочил к кабине и в ужасе застыл, мгновенно покрывшись обильным холодным потом. По дороге к машине, молча бежало восемь вооружённых человек, со сверкающими мачетками в руках. Окинув их стремительно-испуганным взглядом, Поташников как-то сразу понял, что это не безобидные грибники и не лесники, или заблудившиеся никарагуанские мирные сельчане, бегут к нему чтобы спросить дорогу к дому – а это подлые контрасты, у которых помимо мачеток в руках, ещё виднелись и автоматы, и бегут они убивать. Убивать его – МАЙОРА, ОТЦА семейства и просто человека, желающего и жаждущего прожить ещё как минимум лет сорок и умирать он совсем не хотел. Майор попытался предупреждающе крикнуть, но горло от ужаса перехватило и из-за этого ничего не получилось. Но годы военной службы, даже такие бестолковые как у Поташникова, не прошли зря – руки в это время автоматически делали своё дело: сдёрнули с места предохранитель, попав сразу на автоматический огонь, стремительно передёрнули затвор и одновременно с прорезавшимся пронзительным криком: – А ёб.... Твою м...ть....., – прямо в упор, в грязные и потные рожи нападающих, дали очередь в десять патронов. Даже если майор и хотел промазать – промазать было просто невозможно. Головы у двоих лопнули, как перезрелые арбузы, выкинув вверх кровавым облаком ошмётья мозгов и чего-то другого и красно-мелкого, чему обезумевший майор не мог дать определение. Ещё двое, наткнувшись на пули калибра 7.62, отлетели сломанными куклами к кустам. Но остальные рвались вперёд и жаждали крови. Большого майор выдержать не мог, бросил автомат на землю и с непонятным шмелиным гуденьем, ринулся вдоль машины назад, не видя, как один из контрасты, широко размахнувшись, не останавливаясь, прицельно и умело швырнул сверкающую и острую мачетку в широкую спину убегающего.

Услышав истеричный крик и длинную очередь, Скачков коротко матернулся, а Никитин, недовольно ворча: – Блядь.., этот Поташников, опять чего-то у него...., – и, пропустив выско-

чившего из-за машины майора, шагнул в сторону, закрывая его спину, и принял в незащищённое, белое горло разящую сталь. Омерзительный хруст перерезаемых хрящей, струя неожиданной, почти чёрной крови, топот ног и торжествующий вопль врага на мгновение превратили всех в каменные изваяния. Но только на то время, когда трое контрас ворвались в пространство за кузов. По всей вероятности они считали, что за автомобилем было человека два, ну максимум три. А тут их оказалось толпа и они сами на мгновение замялись, пялясь на многочисленного противника и на начавшего мягко валиться Никитина, который вскинув руки к горлу, и с удивлённо-обиженным лицом, смотрел на деревянную рукоять мачете, залитую его кровью и торчавшую перед лицом.

Быстрее всех пришёл в себя Кривов, находившийся в кузове и подававший оттуда оружие и вещмешки. Недолго думая, он просто прыгнул сверху на троих контрас, раскинув широко в сторону руки и в падении, обхватив всех, сразу завалил контрас на землю. Это как будто послужило сигналом, все очнулись от мгновенного ступора и бросились на кучу тел, забыв про оружие, про занятия по рукопашному бою, про воспитание и цивилизацию. Контрас били кулаками, просто руками, колотили и варварски топтали ногами, прыгали на грудных клетках, поверженного противника, пинали в зверином экстазе и жажде убийства ногами головы, стремительно превращая живое тело в мешок с костями. Досталось в этой свалке и Кривову, не успевшему вылезти из кучи. Но был и ещё один контрас. Он перед капотом машины отделился от троих товарищей и побежал с автоматом вдоль другой стороны автомобиля и выскочил из-за кузова на Загорского и Скачкова. Загорский сумел выхватить пистолет, а вот выстрелить не успел и никарагуанец, опередил его короткой очередью, отчего майор как подкошенный свалился под ноги партизану. Тот не успел затормозить и стрельнуть второй очередью в Скачкова, запнулся об упавшего и кубарем полетел на дорогу, но не выпустил из рук автомат, который помешал перекувырнуться и контрас с размаху, прилично притёрся головой к жёсткой земле. А на него сзади, в длинном прыжке, уже летел старший лейтенант. С хрястом приземлился ему на спину, ухватился за повязку на голове и начал сильно того бить лицом об землю. Уже первого удара было достаточно и контрас вырубился, но Скачков в ожесточении бил, бил, бил и остановился только тогда, когда вокруг него всё было забрызгано кровью, да и он сам тоже.

Схватка была закончена буквально в минуту. Враг уничтожен и все стояли, сильно возбуждённые от могучего впрыска адреналина, над телами поверженных врагов, мокрые от мгновенного пота, бурно дышащие и молча переводили взгляды с уже упавшего Никитина, на ворочающегося и стонущего на дороге Загорского. Тот, обхватив руками за ногу, выше раны, был ещё в шоке от ранения, удивлённо и бессвязно крича Скачкову: – Валера..., Валера..., Блядь-ьь..., Валера..., как палкой еба...ло, ни хрена себе..., но вроде бы в кость не попало..., а кровиче... кровичи то. Дай мне жгут..., пока всё не вытекло....

Кто-то сунул дрожащей рукой резиновый жгут, а Скачков такой же дрожащей рукой от прошедшего напряжения, стал накладывать его выше раны. На противоположной стороне дороги возбуждённо крутился, оглядывая себя Кривов, и весело-зло материл товарищей: – Сволочи..., да вы меня больше пинали, чем их... Что..., не могли что ли разглядеть... Бьёте и бьёте.... Ох и болит бок... Кто вот меня в бочину пнул....?

Тут ещё появился Поташников и раскаянно завопил: – Ребята, простите меня... Я струсил... струсил..., – и с силой ударился лбом об кузов. Все очнулись, возбуждённо задвигались, одновременно, громкими голосами, делясь жуткими подробностями схватки и искося поглядывая на убитого товарища. Алёхин успел сбежать вперёд машины, вернулся с брошенным автоматом и маленькой чёрной радиостанцией, снятой с убитого контраса и стал успокаивать Поташникова, с ужасом смотрящего на мёртвого Никитина и одновременно делясь увиденным.

– Ну и струсил ты, Александр Иванович!? Трое там валяются... Одной очередью...

– Как трое? Я четверых там стрельнул..., – Поташников перестал качаться и повернулся к Алёхину.

– Трое..., трое...

Поташников хотел продолжить спор о количестве, но вдруг в руках Алёхина захрипела радиостанция и что-то спросила на испанском. Все сразу замолчали, вылупившись на чёрную коробочку и шустро стали расхватывать оружие, вдруг поняв, что это далеко не последние контрасы убитые в Никарагуа.

Скачков взял радиостанцию у Алёхина и сунул её Загорскому: – Геннадий Петрович, чего они там...?

Голос продолжал тревожно вызывать непонятно кого, но через полминуты Загорский стал распоряжаться: – Валера, давайте срочно грузите в кузов Никитина, сами грузитесь и уходим на базу. Это передовой дозор и сам отряд спешит сюда на подмогу и их явно много....

Скачков было начал распоряжаться, заткнулся и недоумевающее уставился на майора, а потом оглянулся как бы за помощью к замершим в ожидании товарищам.

– Геннадий Петрович, на какую базу? Вот после этого? – Скачков ткнул стволом автомата в убитых контрасов, а потом обиженным голосом обратился к офицерам, – парни – бросим что ли и уедем? Вот так?

Офицеры оживились, закрутили головами друг на друга и, загомонив, единодушно выразили согласие на продолжение операции.

– Поташников, садись за руль, только помоги сесть Геннадию Петровичу, и езжайте на базу, а мы пойдём дальше. Всё, всё, – резко оборвал было заартачившего майора Скачков, – всё, езжайте...

– Хорошо, – вдруг легко согласился Загорский, но возмутился Поташников, сделав неожиданное признание.

– Чего это вы меня отсылаете? Не поеду. Если бы не струсил – я бы поехал. А раз струсил – то не поеду, а буду доказывать, что не трус.

– Ладно, ладно, – замахал руками Загорский, – я, Валера, и с раненой ногой доеду. Шевелится, справлюсь. Вы только меня отрегулируйте, когда задом буду сдавать.

Мигом загрузили тело убитого товарища, расхватали оружие и Кривов быстро отрегулировал движение машины назад до развилки. Здесь двигатель взревел и автомобиль начал сворачивать в движении в левую развилку дорог. Там через два километра дорога делает новый левый поворот и через несколько километров выскакивает из джунглей. А там знакомая дорога до базы.....

.... – Значит, они всё-таки живы! С чего ты тогда взял, что они погибли? – Радостно вскинулся генерал.

– Я когда выезжал из джунглей, остановился на пару минут, и с той стороны послышалась офигенная стрельба. Автоматов пятьдесят одновременно колотило. Там кроме нас никого не было. А через пять минут всё стихло. Наши видать нырнули в джунгли и сходу уткнулись в основной отряд. Он как раз спешил на помощь своему дозору.

– То есть ты, как они погибли, не видел.

– Нет.

– Тогда так. Сеанс связи с ними в 20 часов. Уверен – Выйдут! Я тогда такую свечу поставлю в церкви и плевать мне на наши политические органы. Открыто пойду, в форме в церковь. Слушай, Геннадий Петрович, а какие там свечи бывают... Ты знаешь?

– Да откуда я знаю? Я ж такой же – партийный....

– Тьфу, тьфу, тьфу, – оба суеверно сплюнули, – ладно. Ждём. Будем надеяться, что бог на свете есть.

Без десяти восемь оба сидели в душевой радийке, «любезно» выделенной кубинцами, с надеждой разглядывая тумблера, многочисленные стеклянные окошечки шкал и зелёные светлячки глазков. Генерал уже настроился на нужную частоту и сидел в наушниках. От волнения хотелось жутко курить, но каждый из них понимал – сигареты в этом состоянии хватит на

две мощные затяжки, после чего от дыма здесь уже ничего не увидеть. Загорский сидел, как всё равно проглотил кол – прямой и неподвижный. Действие обезболивания прошло и было стойкое ощущение, что в ране всё это время ковырялись грязным пальцем. Почему именно грязным, а не чистым – Загорский понять не мог. А вот генерал – беспрерывно ёрзал на крутящемся стульчике, перекладывая ногу на ногу, и со стороны казалось, будто он хотел ссать и вот-вот обоссется. Без пяти восемь Загорский ещё больше выпрямился и сказал тихо про себя: – Теперь я понимаю наркоманов... Ещё пять минут и у меня ломка от боли начнётся.

А генерал замер, вдруг поняв, что действительно хочет ссать. И если он сейчас это не сделает – то впервые в жизни опозорится. Но было уже без одной минуты и Сысков, тут же забыл про мочевой пузырь.

20:00 – В эфире тишина. Одна минута девятого – шорох космического эфира. 20:05 – Ничего. Двадцать минут девятого – генерал медленно стянул наушник и защёлкал тумблерами, сбивая частоту – Ни хе-ра ....

Перешли в другую радиюку, потому что подходило время связи с посольством. Настроив закрытую связь, кубинский связист вышел из салона, плотно закрыв за собой дверь.

В 20:30 Сысков поднял трубку и заговорил своим обычным тоном: – Здравствуй, здравствуй, товарищ капитан. Ну..., как там у нас дела?

– Понятно, понятно... Для этого я тебя там и оставил, чтобы тебя Москва теребила, а не меня. Что у нас? – Сысков быстро глянул на Загорского и тот подумал... Да не то что подумал, он понимал, что надо докладывать правду, какой бы она неприглядной не была, но то что он услышал – удивило его.

– Ну, так передай Москве – у нас пока всё нормально. Хотя уже есть потери. В боестолкновение с контрас убит майор Никитин и ранен майор Загорский. Группа выполняет задание. Да..., да..., так и передай..., до связи.

– Сергей Иванович..., – возмущённо воскликнул Загорский, а генерал оборвал его нетерпеливым жестом, положив трубку на рычаги.

– Всё понимаю..., и не возмущайся... Понимаешь...!? Не верю всё-таки, что они погибли. Вот не верю и всё. Пока своими глазами не увижу... Так что, давай до утра дождёмся, а там подойду к кубинцам. Возьму машину, их разведчиков, проедем на место и там разберёмся – Что за стрельба была? Наши...? Не наши? И всё такое... И там... Лежат ли они...?

– Тогда я завтра тоже с вами. – Генерал внимательно посмотрел на зама и разрешающе махнул рукой.

Через двадцать минут Загорский, успокоенный новым уколом, вернулся из санчасти и осторожно расположился за столом. На молчаливый взгляд начальника со вздохом ответил: – Правильно говорят. Военный врач, во первых – не военный, во вторых – не врач... Говорю – болит. А тот – Раз болит, значит заживает... А там может быть гангрена...

В комнате опять наступила тишина и майор молчал, понимая, что более опытный генерал мучительно ищет решение. И вроде бы решили по завтрашнему утру, но всё равно отблеск мучительной борьбы мыслей, вариантов, решений пробежал по лицу военного атташе. Так продолжалось минут десять, после чего, тягостно и протяжно вздохнув, Сысков с горечью заговорил: – Ты знаешь... в раздрае я. Давно такого не было – не могу принять решение. Не знаю его и всё. Хотя одно решение есть и я всё больше и больше к нему склоняюсь, – генерал потянулся к сумке, стоявшей тут же на расстоянии вытянутой руки, и достал оттуда очередную бутылку виски, – думаю, нам нужна небольшая встряска организма. Не просто нужна, а необходима....

Генерал с майором успели выпить по первой и закусить, как в дверь вежливо постучали и на приглашающее: – Заходи..., – зашли командир базы разведчиков и начальник разведки кубинцев. Разведчик, как младший по званию, нёс в правой руке объёмный пластиковый пакет, где приятно позвякивало и побулькивало, а в левой аккуратно сложенную карту.

Хозяева помещения оживились и встали из-за стола. Вернее встал генерал, а Загорский сделал попытку, но увидев протестующие жесты гостей, так и остался сидеть. Поздоровались и присели за стол. Атташе слегка приподнял бутылку виски над столом и таким непринуждённым жестом предложил гостям присоединиться. Но кубинский полковник отрицательно покачал головой и сам предложил: – Сначала давайте решим вопросы, а потом мы не против...., – и кивнул начальнику разведки. Тот быстро убрал со стола на пустой подоконник выпивку и немудрящую закуску. Смахнул крошки и расстелил карту.

– Товарищ генерал, товарищ майор, я думаю, что наступил момент, когда для обоюдной пользы мы можем открыть друг другу карты. Мы бы хотели знать задачу ушедшей группы, чтобы оказать вам посильную помощь. Судя по всему – задача сложная, а вы уже понесли потери и наша помощь будет далеко не лишней. – Полковник откинулся на спинку стула и спокойным взглядом поглядел на генерала, потом на майора.

Генерал с майором заинтересованно переглянулись и Сысков чуть было не стал говорить, поддавшись искушению возложить всё на кубинцев, у которых было гораздо больше шансов выполнить задачу, но вовремя остановился. И даже не оттого, что вспомнил строгое предупреждение Григория Яковлевича – «кубинцев ни под каким соусом не посвящать....». Он бы сейчас на всё наплевал и на Григория Яковлевича, и на запреты, если бы американцев пришлось мочить на территории Никарагуа. А вот пойдут ли кубинцы на территорию Гондураса? Сами ведь они вряд ли будут такое решение принимать? Точно начнут созваниваться со своим начальством, а те начнут делиться между собой, как русские «обосрались...» и потом ещё скажут, что – Нет, туда мы не пойдём...

Вот тогда точно «по шапке» получить можно будет и ещё сделают «козлом отпущения». Сысков страдальчески наморщил лоб, забегал глазами по помещению и, ничего не придумав с ходу, честно, но удручённо сказал: – Нет..., не могу.

И тут же поспешно поправился: – Пока не могу... А пока, если вы предлагаете помощь, то мне завтра нужна одна ваша группа на день. Ну и автомобиль. Как...? Сможем выделить?

– Почему бы нет. Только для чего? – Кубинцы вперили взгляды в русских.

– Ну..., задача простая. Сопроводить меня и майора Загорского вот сюда, – генерал перегнулся через стол и карандашом показал место входа группы в джунгли, – здесь мои столкнулись с передовым дозором контрас. Уничтожили его...

Генерал кивнул головой на майора: – Там его ранили и убили ещё одного нашего. Вот там посмотрим – что к чему и прочешем вокруг джунгли. Так сказать, осмотримся на местности..., – закончил уклончиво генерал.

– А что там смотреть? – Несколько свысока спросил кубинский полковник.

Генерал кивнул головой на Загорского: – Вон он, звуки боя слышал там, Автоматов, говорит, пятьдесят работало.... Вот и захотелось там осмотреться....

Полковник с разведчиком снова переглянулись и весело за ухмылялись: – Так это наша группа там с контрас сцепилась. Не ваши... Не беспокойтесь – мои. У меня двое раненых и пять убитых контрас ещё привезли на базу для отчётности. Ваши-то ушли и тут совершенно ни причём...

– Они на связь в двадцать часов не вышли, вот и хотели осмотреться там..., – вдруг обретя надежду, что ещё ничего не потеряно, воскликнул Загорский.

– А ерунда это, – полковник переглянулся с разведчиком и оба снова усмехнулись, а полковник беспечно махнул рукой, – мои тоже иной раз в рейд уйдут и на связь не выходят. Столько передумаешь, напереживаешься, а они через неделю с рейда придут и выясняется – аккумуляторы сели... Или ещё какая-нибудь ерунда....

Уже когда сидели за столом и выпивали, генерал неожиданно спросил кубинского полковника: – А что там твои в это время делали?

Полковник неопределённо помахал рукой в воздухе: – Информация появилась, что в том районе контрас появились вот и поехали мои туда..., это проверять...

Посидели, выпили немного. Кубинцы пообещали сами отправить тело майора Никитина на Кубу. Генерал с Загорским взбодрились, что хотя бы этим не придётся заниматься, а когда кубинцы уходили из гостей, то полковник, повернувшись на пороге, успокоительно похлопал Сыскова по плечу и заразительно рассмеялся, а за ним засмеялся и разведчик: – Вы насчёт отсутствия радиосвязи особо не переживайте. Ваша радиостанция у нас, ваши впопыхав забыли её в кузове автомобиля...

Дверь за гостями закрылась и они не видели с какими лицами переглянулись русские. Генерал сочно, длинно, но без злобы выматерился и с юморным чувством сказал: – Это могли сделать только русские военные....

У Загорского наоборот было кислое выражение лица, на котором читалось – Ну... ёб...., ну...., блин..., ну..., что я мог сделать....

Генерал рассмеялся, подошёл к подчинённому, приобнял его рукой и на секунду прижал сидевшего к себе: – Да, ладно тебе, не переживай. Хорошо хоть они оружие в той обстановке не забыли....

Майору же было совсем не весело: – Да они за оружие так вцепились...., но, блин, всё-таки с радиостанцией я не доглядел....

* * *

Кубинцы пришли к русским лишь после проведенного сеанса радиосвязи со своей группой, которая выдала следующую информацию.

– Русские целенаправленно двигаются к границе Гондураса. На дневном привале русских, квадрат такой-то..., обнаружен труп убитого контраса. (Правда, старший группы выразил удивление тем, что контрас убит непрофессионально – несколькими ножевыми ударами, с обильным кровопусканьем и обнаружены следы рвоты). Русские умело обошли базу контрас в деревне, что говорит о наличии у них проводника. Труп проводника был обнаружен в трёх километрах от ночного привала в квадрате.... Проводник погиб от укуса змеи. То, что труп был связан, говорит о его пленении. Русские остановились на ночлег в квадрате....

Конечно, полковник не стал говорить всей правды. Раз русские не считают нужным делиться и мы тоже промолчим. Русские играют в свои игры, а мы будем в свои. Но всё-таки прощупать хотелось – вдруг какой-нибудь намёк всплывёт....

Через месяц полковник заменялся, а начальник разведки оставался ещё на три месяца. Вот полковнику и захотелось игрой с русскими поставить хорошую и жирную точку в этой командировке. Эта была уже не первая и даже не вторая и не третья командировка и полковник имел достаточный опыт. Конечно, он и начальник разведки, и другие, кому положено было это знать – достоверно знали, что за базой ведётся агентами контрас, хоть они тут сами и отсутствовали, пристальное наблюдение. Даже знали – Кто, и иной раз через него сливали дезуху. Но не могли предполагать, какую суматоху и на каком уровне вызовет появление на базе кубинцев русской группы, которую восприняли вполне серьёзно.

Как только русские появились на базе, так сразу же об этом информация ушла в отряд контрас, отвечающий за этот район. А от них она пошла дальше, выше и через какое-то время легла на стол американца отвечающего за операцию по уничтожению советского и кубинского послов и создание условий для активизации контрас.

Срочно созвали совещание в узком и проверенном кругу, которое было начато с взаимных и эмоциональных обвинений в утечке информации к русским, и которые так оперативно сработали, прислав разведгруппу. Из этого вытекло первое решение – в течение нескольких дней выявить «крота».

Второе: выдвинуть в район кубинской базы отряд контрас и первыми напасть на базу, а ещё лучше на русских и попытаться уничтожить их и тем самым вернуть инициативу себе.

В самый разгар поисков «крота», пришла информация – русские и кубинцы вышли в рейд двумя группами, но отдельно друг от друга и сразу же столкнулись с отрядом контрас. О том, что русские пошли первыми и отдельно, подтвердил раненый контрас с уничтоженного передового дозора.

Снова совещание, но уже без взаимных обвинений, а в рабочем режиме. Ситуация обострялась и нужно было действовать на опережение. Было принято два решения. Первое: Поднять на ноги всех подконтрольных контрас с целью обнаружения и уничтожения обеих групп – русскую и кубинскую. Второе: операцию по проникновению американской диверсионной группы на территорию Никарагуа начать немедленно.

* * *

Звуки внезапно возникшего боя донеслись до прорубающейся сквозь джунгли группы в километре от места стычки с контрас. Все сразу остановились, замерли, повернувшись в ту сторону, а потом как по команде вопросительно посмотрели на Скачкова.

– Это Загорского наверно мочат, – полуутверждающе протянул Свиридов, но Алёхин тут же высказал сомнение.

– Нет..., вряд ли. Дали бы несколько очередей и всё, а тут мочат дай боже. Слишком много на одного человека, да и звуки доносятся от того места.

– Наверно, это их отряд нашёл трупы и сейчас со зла по кустам ху...ят, – продолжил мысль Алёхина Бызов, а Поташников поёжился мигом представив, как их берут в плен и контрас узнают кто вальнул первых. Вспыхнуло мимолётное обсуждение и тут же прервалось приказной репликой Скачкова.

– Ладно, хорош базарить. Это не Загорский, а нам надо двигать, тем более что такую просеку после себя оставляем, – все оглянулись назад. Просекой, конечно, это можно назвать с натяжкой, но и не надо быть следопытом или индейцем Чинчангуком, для того чтобы не напрягаясь отследить движение группы.

Скачков под внимательным взглядом Бызова и Свиридова глянул на карту и махнул рукой чуть в сторону: – Двигаем туда...

Когда соскочили с дороги, пришлось лихорадочно прорубаться сквозь густые и колючие заросли и не было времени, чтобы смотреть по сторонам. Приходилось беспрерывно махать мачетками. Здесь всё было переплетено между собой и если бы не мачетки, пробиться во внутрь тропического леса стоило больших трудов. Но когда прошли первые пару сотен метров, работать мачеткой пришлось гораздо меньше, потому что тут уже царили другие лесные законы. Деревья были крупнее, выше и своими широкими и густыми кронами полностью заслоняли небо и солнечный свет, от чего около земли царил сумрак и духота, пронизанная незнакомыми для русского духа запахами. Буйная растительность и трава по колена полностью закрывала землю, а иной раз и с головой идущих людей. Вот тогда-то приходилось махать мачеткой. А так было идти не сложно, но страшновато от того, что из-за густой травы и папоротниковидных растений с широкими листьями не было видно самой земли. Ставишь ногу и всё время ожидаешь, что или сам на что-то извивающее наступишь, или там тебя кто-нибудь цапнет. Хотя видно было гораздо дальше, чем у дороги, метров на пятнадцать и все постепенно успокоились, втянувшись в мерное, неспешное движение. Лишь иногда вздрагивали, когда из глубины леса доносился громкий крик или душераздирающий визг, какой-нибудь невидимой твари, или в траве замечалось шуршание и шевеление. Тогда на ум сразу приходили страшилки про огромных змей, крокодилов или ещё какой-нибудь кошмарной твари, обязательно ядовитой и подробно описанной в журнале «Вокруг света», который ты когда-то в безопасном прошлом с интересом читал. Но..., напряжение постепенно спало и после первого часа движения сделали небольшой привал, чтобы перевести дух и хоть немножко обсохнуть и дать продыху мокрому от пота телу. Местность была холмистая. И вроде бы холмы покрытые тропической растительностью были невысокие, но чередование пологий, длинный подъём и спуски, во влаж-

ной духоте, выматывали организмы, привыкшие к другим условиям. Скачков внимательным взглядом проводил Бызова, поспешно скинувшего с себя амуницию и нырнувшего в кусты, но потом углубился в изучение карты. Неожиданно подняв голову, он наткнулся на пристальный взгляд Свиридова, который сразу же воровато скользнул в сторону.

– Ты чего?

– Да нет ничего... А что? – Вскинулся Игорь.

– Да ты как-то странно смотрел на меня...

– Нормально. Посмотрел, так посмотрел..., – зашуршали кусты и оттуда вылез довольный Бызов, которого сразу же подколот капитан Цветков.

– Что, медвежья болезнь?

Бызов слегка смущённо хихикнул оправдываясь: – Да это как рефлекс Павлова. Война войной, а обед по распорядку.

Рядом опустил чем-то удручённый Кривов и сразу виновато повинился: – Валера, радиостанция то тю-тю..., забыл я её в суматохе выгрузить из машины...

Скачков с досадой матюкнулся, но подумав немного, успокаивающе сказал: – Ладно, забыл, так забыл – теперь уже ничего не поделаешь. А может оно и к лучшему...

Кривов в удивлении выкатил глаза: – Ты это про что сказал?

– Про то, что над душой никто стоять не будет, а это развязывает нам руки. А то начнут – сделай так, это надо изменить вот этак. А так получили задачу – вот её и будем выполнять по-своему. Единственно, когда выполним и вернёмся на территорию Никарагуа – как они нас подхватывать будут? Вот в чём вопрос. Хотя..., придёт время – тогда и будем его решать... А так не парься.

Через пятнадцать минут все опять поднялись и двинулись дальше. Шли, растянувшись цепочкой, в пяти шагах друг от друга и впереди всегда шёл Скачков. Он иной раз останавливался, останавливались и другие. Скачков доставал карту, глядел на неё, по сторонам, глядел вперёд... Сначала к нему подходили Кривов и Алёхин и добросовестно пытались вникнуть в маршрут, но поняв, что давно потеряли направление движения, полностью доверились старшему. Благо тот шёл уверенно, непонятно только было, как он ориентировался в этом замкнутом пространстве, где даже не было видно неба.

На втором привале Бызов опять нырнул в кусты и когда оттуда вылез, Скачков подозвал его к себе.

– Алексей, ты чего?

Бызов непроизвольно несколько раз подёрнул пояс брюк, нагнулся и тихо, так чтобы никто не слышал, смущённо пробормотал.

– Да хрен его знает... Съел что ли, или нервное... Никогда такого в жизни не было – запоносил. Блядь..., стыдно перед мужиками.

– Температуры нету? – Встревожился Скачков.

– Да нет, Валера, чувствую себя нормально, но лётся из меня... Может какие таблетки у кого-нибудь...

– Хреново... Я что-то с этой стороны не подстраховался. Бинтов, жгутов и промедола набрал, а таблеток нет. Андрей Иванович, – подозвал к себе Скачков Поташникова, а когда тот подошёл, спросил, – Ты у нас, Андрей Иванович, мужик запасливый – Никакими таблетками не запасся?

– Нет, а что случилось?

– Да от срачки нужно, вон Алексею...

– Не... нету. Я слышал? чтобы закрепить желудок нужно очень крепкий чай, почти чифирь, выпить. Давай разожгём костёрчик да сварганим.

– Нет, был бы вечер, тогда можно было, а так надо двигаться. Так, ребята, ещё пять минут и идём.

Поташников вернулся к своему рюкзаку, а Бызов осуждающе произнёс: – Что ты меня позоришь? Мог бы про понос и промолчать.

Скачков молча достал карту и, изучая её, заговорил: – Обиделся что ли? Так через час все об этом узнают, лечить тебя будем. – Он пощёлкал пальцем по карте, – Тут час ходьбы до ручья, выйдем туда. Вот тогда и узнаешь, ещё для чего нужен вазелин...

Дошли до ручья быстрее, за сорок минут, что даже несколько смутило Скачкова. Он крутил карту, крутил головой. Даже на несколько минут исчез в чаще, но потом вернулся.

– Неее..., правильно пришли, – откликнулся он на несколько встревоженные взгляды товарищей, наблюдающие непонятные передвижения старшего, – я уж сам забеспокоился. Думал блуданули и не туда вышли. Нет, всё нормально. Сейчас пройдем по берегу и найдём подходящее место и тогда там привал на тридцать минут.

Здесь, у воды, джунгли немного расступались и сюда уже местами проникал солнечный свет и временами понизу даже тянул небольшой ветерок, приятно сушивший кожу. Бегущий между камней ручей и ручьём то не назовёшь – крупноватый был, но и речкой назвать язык не поворачивался. Пройдя метров двести вверх по течению, Скачков огляделся и скомандовал привал и все с удовольствием и со стоном наслаждения скинули с плеч груз.

В этом месте ручей немного сужался и был глубиной сантиметров семьдесят и самое главное – быстрое течение, даже можно сказать стремительное. Скачков присел и с удовольствием окунул руку в неожиданно холодную воду. Рядом пристроились товарищи и тоже с удовольствием заплескались. Снегирёв с Цветковым сразу хотели окунуться, но Скачков остановил их: – Остыньте немного, оботритесь, а то мне потом чихающие и кашляющие на все окрестности совершенно не нужны.

Бызов опять уединился в кустах, а когда вышел, болезненно перекопился лицом, на вопросительный взгляд старшего.

– Понятненько. Ну, иди сюда. Только сразу предупреждаю – без обид. Раз такое дело – все должны знать, как с этим бороться. Парни давай сюда.

Когда все заинтересованно собрались вокруг командира, Скачков, без всяких предисловий, сразу брякнул: – У Алексея понос... Ну, чего вы смеётесь дураки. У каждого это может быть. Вот мы с вами ни хрена не предусмотрели этот случай. Ни каких таблеток нет. И вот что делать в наших условиях? Можно махнуть рукой – А пройдёт. Просрётся и пройдёт. Не учитывая, что понос – это обезвоживание организма. Это физическое ослабевание организма. Очко печёт и в наших условиях, когда мы мокрые от пота к вечеру он идти не сможет. Вот именно из-за разъётого очка. Поэтому будем лечиться военным способом, довольно необычным, но эффективным. Я сам этого не делал, но знающие люди мне рассказали как. Будем ставить в полевых условиях клизму....

На берегу ручья повисло удивлённое молчание.

– Так у нас грелки нету и этого... шланга, – высказал своё авторитетное виденье Поташников, помолчал и добавил, – мне в госпитале хорошо так ставили...

– Ерунда всё это у нас есть, – обрезал решительно Валера и начал объяснять. И по мере того, как он говорил и объяснял, что надо делать, у Бызова менялось выражение лица с недвольного и хмурого, когда вот так бесцеремонно влезли в такую щепетильную тему и вытащили на всеобщее обозрение, на удивлённое, потом возмущённое, которое всем своим видом говорило – Не может быть? И я это делать не буду... Потом на страдальческое, когда он понял, что Скачков не шутит и не подкальвает, и это делать надо. А вокруг него царил тихое веселье и если бы не боевая обстановка, то животный мир джунглей разбежался от этого места на многие километры от гомерического хохота. А так хихиканье, весёлые подколки кружили вокруг несчастного товарища

Пистолетов в группе было два у Скачкова и Никитина, с которыми они прилетели с Кубы. Пистолет Никитина сейчас висел на ремне у Поташникова, как приз за троих заваленных.

Приняв пистолет из рук майора, Бызов с надеждой посмотрел на Скачкова и страдальчески спросил: – Валера, может быть пройдёт и так?

– Не знаю, но лучше это сделать сейчас... Так хоть какой-то шанс есть, что срачка прекратится.

Бызов с обречённым лицом разобрал пистолет, взял у Скачкова баночку с вазелином и под сочувственными взглядами товарищей стал густо его намазывать на конец ствола.

– Очко тоже мазать? – Спросил грустным голосом Бызов.

– Наверно надо...

– Отвернитесь, чего уставились?

Поташников, слегка прихлопнув ладонями друг об друга, тихо рассмеялся: – Ладно, не будем тебе мешать, а пока я вам парни расскажу, как мне в госпитале клизму ставили. Решил над молоденькой медсестрой пошутить... Шутка-то удалась, но потом своей жопой пришлось расплачиваться. – Все зашевелились и стали садиться рядом с майором спиной к ручью и Бызову, приготовившись выслушать рассказ.

– В прошлом году заколобродил с чего-то желудок и пришлось мне лечь в госпиталь. В палате попались мужики нормальные, с юмором и любили разыгрывать по мелочам молоденькую медсестру, которую прислали с института на практику в наше отделение. А всем отделением рулила старшая медсестра. Типичный армейский старшина в юбке. В данном случае в халате. Строгая, требовательная, мужиковатая. Её все боялись, начиная от больных и кончая заведующего отделением, который иной раз от неё даже прятался, потому что она могла запросто взять любого, в том числе и его за шкуру и повозить мордой об чего-нибудь. Но зато в отделении был строгий и армейский порядок. Мы даже пикнуть боялись. Ну, вот пришло время мне глотать кишку, чтобы отобрать желудочный сок на обследование. Приносит мне молоденькая медсестра эту резиновую трубку метра полтора длиной и говорит тоненьким голосочком: – Глотайте больной. Как проглотите – зовите...., – и ушла.

Я товарищам подмигнул, беру ножницы и отрезаю от трубки два кусочка по двадцать сантиметров и один вставляю в задницу, между ягодиц, а второй беру в рот и гнусавым голосом кричу: – Сестра, сестра....

Забегает медсестра в палату: – Ну, что проглотили?

Я ей говорю: – Да... Только я проглотил, а у меня трубка из задницы выпала, – и откидываю одеяло и показываю конец трубки торчащей как будто из очка.

Как она испугалась. Побледнела. Схватила ладонками за щёки и как заверещит: – Татьяна Владимировна, Татьяна Владимировна....

Прибегает эта старшина в юбке, а медсестра тычет пальчиком мне в задницу и чуть не плачет: – Вот, Татьяна Владимировна, он проглотил, а оттуда второй конец высунулся. Что делать, я не знаю?

Татьяна Владимировна сурово посмотрела на мою задницу, потом на медсестру и изрекла: – Дура! Чему только вас там учат в институте? Какова длина кишечника?

– Четыре метра, – прохныкала медсестра, поняв свой прокол, а Татьяна Владимировна резким рывком выдернула короткий отрезок трубки из ягодиц.

– А вам больной, за порчу медицинского имущества и за неуместные шутки я лично сама поставлю клизму.

– Блин, парни, я после той клизмы не срал трое суток...., – все живо рассмеялись, а из-за спин донёлся страдающий голос.

– Валера, а когда в жопу ствол совать – сейчас или в воде? – Все опять засмеялись, а из ручья продолжали страдать, – смеётесь, сволочи...., ну смейтесь, смейтесь.... Оооооо...., блин как они так трахаются? Валера, так я сажусь? Ой блин, ойййй... как будто в жопу сосульку засунули....

Бызов замолчал и все быстро, с любопытством оглянулись на происходящее действие и тихо заржали. В ручье, расшеперившись, в полусогнутом состоянии стоял Бызов, направив задницу с торчавшим из очка пистолетом против течения. Стоял и, завернув голову под немислимимым углом, пытался отслеживать процесс.

– Ну что – сколько мне тут стоять?

– Ты то сам что чувствуешь? Полоскается там...

– Что, что? Холод чувствую там. Что делать дальше-то...?

– Теперь выходишь из воды и садишься в кустах и выливаешь воду из кишки, а потом снова в ручей. И так три раза.

– УУУууууууу.....

У ручья задержались на гораздо большее время. Долго провозился Бызов, потом помылись остальные и заодно пообедали. В это время Скачков, поколдовав над картой, ушёл с Кривовым в разведку вверх по ручью. Сказали что там, в пяти километрах деревня есть. Вот туда и ушли. А вернулись они не одни, а с двумя пленными и явно не мирными сельчанами. У пленников были связаны руки и разбиты рожи, а на плече Скачкова и Кривова висели трофейные автоматы. И ещё у Кривова в пол лица был хороший синяк.

– Во..., принимайте пополнение, – Скачков толкнул обоих контрас и те упав, послушно ткнулись лицами в землю.

– Ни хрена себе, где это вы их?

– Да к деревне ходили. Точно она там есть, небольшая такая и аккуратная, но там контрас обосновался, а эти как на грех на нас наткнулись. Пришлось пободаться и взять в плен.

– И что теперь с ними делать будем? – Задал наивный вопрос Алёхин и с любопытством присел около лежащих пленников и остальные тоже сгрудились тут же, со здоровым, военным любопытством, рассматривая первых в своей жизни пленников.

– Что, что? Если бы деревня была не занята контрас, то пошли бы дальше. А раз она занята – нужен проводник.

– А на хрен он нам нужен? – Задал вопрос Свиридов и удивлённо посмотрел на Скачкова, – ты и сам, Валера, вроде бы неплохо ведёшь. Кончить их и всё, а то морока одна с ними будет.

Скачков внимательно посмотрел на говорившего и нехорошо усмехнулся: – Ну что ж... Как говорится в армии – Инициатива – трахает инициатора. Бери и кончай их. Только в кусты заведи. Чтоб не на людях...

– Ты чё...? Ты чё...? Почему я? – Вскинулся Свиридов, даже вспотев от неожиданного такого предложения.

– Ты предложил – ты и кончай. Чего ты сразу в сторону уходишь? Мне что ли вместо тебя на душу грех брать? Сейчас прикажу и попробуй не выполнить приказ, – вдруг озлился Скачков.

– Тихо, тихо, парни. Вы что? – Вмешался Кривов, – Валера, хорош. Остынь. А если у тебя, Игорь, соображалка не работает – то помолчи. В деревне лагерем стоят контрас и где у них посты стоят и насколько они контролируют тут территорию – неизвестно. А они нас тихо проведут мимо. Секёшь...?

– Ну, уж и сказать ничего нельзя..., – вынужден был признать свою неправоту Свиридов, уходя сразу в сторону от греха подальше.

Скачков тоже, также быстро остыв от вспышки злости, и недовольно пробурчал, отдавая приказ: – Ладно, проехали. Подымайте их. Сейчас допрашивать будем.

С пленными пришлось повозиться. Сначала выяснился печальный факт, что единственный кто знал испанских язык, и то только в пределах ресторанно-магазинного диалога, был сам Скачков. Он знал ещё испанский мат, знал кучу других слов, предложений питейного и

сексуального характера, но все они к допросу военнопленных категорически не подходили. Ну, за исключением матерных.

Прекратив бессмысленные попытки добиться хоть какого-нибудь понимания, Скачков зло рассмеялся: – Вот, чёрт побери. Сейчас бы мне выпить хорошо вместе с ними – вот тогда и без переводчика друг друга поняли. А так остаётся только один путь, как завещал нам Владимир Ильич Ленин – Бить, бить и ещё раз бить.... Начнём вот с этого, по моему он готов к общению. Кто желает начать?

В круг выскочил Бызов и азартно потёр ладонями: – Дайка я начну...

Но через минуту бесплодного топтания перед пленным, сконфузливо отошёл в сторону: – Чёрт, чего-то не могу..., есть желание, но нет злости...

Скачков вопросительно посмотрел на остальных, но те отводили взгляд, явно не желая сделать даже попытку «поговорить с пленным по душам».

– Ну что вы, парни? – Сокрушился Скачков, поняв, что грязную работу придётся делать ему, – я ведь тоже нормальный офицер, а не гестаповец какой-то....

– Давай, давай, Валера, – проникновенно заговорил Поташников, – ты хоть и артиллерийский, но всё-таки разведчик. Вот тебе и флаг в руки.

– Ладно..., ладно... Я вам это ещё припомню... Я вас ещё тоже замараю, – мстительно пообещал Скачков и повернулся к пленным, которые поняли, что их сейчас будут бить и бить больно, и по всем частям тела, и возможно по яйцам тоже.... И тот, которого собирались бить первым, пронзительно заверещал, соглашаясь уже на всё, но было поздно и сокрушительный удар в солнечное сплетение оборвал крик.

– Тихо, тихо, чего ты орёшь? – Скачков подхватил захлебнувшегося от боли тело контрас и прислонил его к дереву. Но тут стал орать и биться в корчах второй и его пришлось тоже утихомирить хлёстким ударом ноги по почкам.

– А этот чего орал? – Снегирёв мотнул головой на второго. – Тоже согласен давать показание?

– Да звиздарастил нас....

Дальше всё пошло вообще хорошо, отдышавшемуся первому ткнули под нос карту и он от страха, весьма толково, стал тыкать и водить пальцем по бумажному листу сплошь зелёного цвета, показывая, как можно обойти отряд контрас и не засветиться. Для контроля сунули карту и второму, но тот снова стал ругаться и бессильно биться в путях.

– Ну что ж, всё теперь ясно. – Удовлетворённо выпрямился Скачков, складывая карту, – собираемся и выходим. Нам до вечера надо обойти деревню и подальше уйти отсюда.

– Ну, а этого надо кончать. Вот теперь спрашиваю – Кто? – Скачков насмешливым взглядом обвёл товарищей, которые мигом отвернулись и все вдруг старательно углубились в обстоятельные сборы к следующему переходу.

– Александр Иванович, ты ж у нас самый боевик – больше всех вальнул. Да один. Может счёт хочешь увеличить? -

– Неее..., – заблеял испуганно Поташников и тут же вывернулся, – я то как раз счёт и открыл... И он у меня есть...

Все остальные тоже ушли в глухую оборону и не захотели пачкаться.

– Суки, вы ребята. Всё на меня свалили. – Удручённо констатировал Скачков, – и ответственность за эту задачу, и чистенькими хотите остаться.... Ладно, сделаю... Хоть никогда этим и не занимался, но блядь – никто морду не отворачивает. Смотрите. А этому глаза завяжите, он нам как проводник нужен, а не как сумасшедший.

Проводнику быстро замотали тряпкой глаза. Все побледнели и даже как-то осунулись. У Скаčkова лихорадочно блестели глаза и он нервно то вытягивал нож из ножен, то с тихим стуком загонял его обратно. Одно дело в бою, в рукопашной схватке, а тут надо было хладнокровно зарезать связанного человека, хоть и врага. А тот поняв, что его сейчас убьют, тоскливо

о чём-то своём заскулил, засучив по земле ногами. Нет, он не просил пощады, не вымаливал её, наверно быстро молился богу или прощался с этим миром, невразумительно бормоча и проглатывая половину слов. А когда понял, что русский решился, мгновенно покрылся обильным потом, посерел и глаза стали выкатывать из орбит в ожидании боли и смерти.

У Скачкова мелькнуло мимолётная мысль – Что надо бы было сунуть ему в рот кляп и поднять на ноги, а то неудобно было наносить удар ножом лежащему. Накрыл грязной ладонью рот и, ещё успев ощутить исходящий от врага кислый запах страха, ударил ножом в область сердца.

От неопытности, не полной решимости и неуверенности, удар оказался гораздо слабее, чем нужно, да и Скачков промахнулся мимо сердца и тело контраст сильно выгнулось и забило под рукой старшего лейтенанта, что мгновенно заставило чисто рефлекторно отпрыгнуть от убиваемого с окровавленным ножом в руке. Стоявшие чуть в сторонке остальные отреагировали на происходящее каждый по-своему. Свиридов выкатил глаза и позеленел от увиденного, а Поташникова бурно и мгновенно вывернуло, а глядя на него, побледнел ещё сильнее и блеванул и Снегирёв. Алёхин, как лишившиеся невинности девочка, мигом закрыл лицо ладонями. Остальные тоже, хоть и не отвернулись, выглядели не лучше, обильно потея и нервно подрагивая телом. Проводник же, услышав и поняв, что убивают напарника просто обоссался, стоя на коленях.

Скачков секунд десять стоял и смотрел на бьющееся тело на земле, потом сорвался с места и вновь кинулся на жертву и с силой ударил ножом в солнечное сплетение, погрузив нож по самую рукоятку и контраст неистово заорал на все джунгли. А Скачков в ожесточении, желая прекратить этот дикий крик, выдернул нож и ударил им в горло. Крик оборвался, послышался жуткий хрип, сип и ещё более страшное бульканье где-то там... в глубине горла. Тело несколько раз с силой выгнулось, становясь почти на классический мостик, отбросив Скачкова в сторону и опало. Контраст наконец-то умер. Скачков, весь забрызганный кровью, сидел на заднице и очумело смотрел на мёртвое тело, а рядом с ним обессилено опустился Поташников, от которого кисло и противно несло рвотой.

Минут пять на берегу ручья стояла тишина, прерываемая только всхлипыванием второго пленного, лежащего на боку на земле. Остальные постепенно пришли в себя и слепо копошились около своих рюкзаков, даже не понимая, что они делают. Первым в себя пришёл Скачков, брезгливо осмотрел окровавленные руки, нож и обмундирование и скомандовал срывающимся голосом: – Пошли отсюда, куда подальше....

– А его как...? – Кивнул капитан Цветков на труп.

Старший лейтенант махнул в безнадёге рукой: – Ему уже всё равно..., пусть так и лежит...

– Пошли отсюда, лучше себя в порядок приведём.

Отойдя метров на двести по ручью вверх, они снова остановились на крохотной полянке. Мигом все разделись и, несмотря на холодную воду полезли в маленькую заводь и стали усиленно смывать с себя пот и следы рвоты. А Скачков пока не посинел всё мылился и мылился, стараясь смыть с себя мифические следы крови. Он её смыл давно, но ему всё казалось, что она ещё присутствует у него на руках.

Ушли они оттуда часа через два и до темноты без приключений сумели по большой дуге обойти деревню с лагерем контраст и уйти от неё километров на десять. Если раньше они шли по тропическому лесу и с интересом разглядывали и впитывали в себя экзотику, обсуждая увиденное. То сейчас шли молча, потрясённые произошедшим. Каждый из них много раз видел в кино и по телевизору, как на экране герои легко убивали врагов и после даже не парились от киношной смерти. И даже утренняя смерть Никитина так сильно не потрясла их. Никитин погиб в бою, когда они сами дрались и убивали в запале, накаченные адреналином. А вот смерть связанного врага, яркая, вещественная, мучительная, от неопытности убиваемого – она

сильно потрясла. Конечно, они были военными, офицерами и само собой подразумевалось, что в случаи войны они будут убивать, но эта смерть врага виделась «чистой», почти благородной миссией, избавляющей родную землю от оккупанта. А тут «грязь», кровь, блевотина, неумелось, некрасивость в неприглядной стороне войны. И самое главное. Как только проводник выполнит свою задачу – ведь его тоже придётся убирать по-тихому. И придётся кому-то это делать. Не всё же, действительно, Скачкову брать на себя. И почти каждый, глядя в мокрую от пота спину проводника и прокручивая страшные картины смерти контраст, уже хладнокровно прикидывал – как его завалить с одного удара и не запачкаться кровью. У Бызова, то ли от нервного потрясения, то ли от проведённого промывания прямой кишки в полевых условиях, срачка прекратилась, но очень здорово хотелось жрать.

Скачков тоже переживал, но по другому поводу. Он не парился от самого факта, что он, своей рукой убил безоружного человека. Перед ним был враг, и если бы наоборот он, старший лейтенант Скачков, попал в плен и этому контрасту пришлось его убивать, то он его убил бы, без всяких переживаний. Убил бы со смехуёчками, красуясь перед своими товарищами. Убил бы страшно, только для того чтобы враг подольше помучился.

Старший лейтенант переживал, что убил вот так – неумело и коряво, боясь, что этим в какой-то степени деморализовал товарищей и как командир группы потерял часть доверия. И боялся, что когда придёт время убивать проводника, у него самого просто не поднимется рука, а остальные активно воспротивятся повторному убийству.

Но всё сложилось удачно. А для Скачкова вдвойне удачно и если не шедший на два шага впереди проводник, то смерть настигла самого старшего лейтенанта. То ли потревожили змею, то ли довольно бесцеремонно вторглись в её жизненное пространство, но полтораметровая змеюка стремительно атаковала проводника с широкой и низко стелящейся ветви, когда тот слегка пригнулся, проходя под ней. Змея мелькнула в воздухе серой молнией и впиалась неестественно широко раскрытой пастью в затылок пленному. Укусив, змея свалилась в густую траву и стремительно заскользила прочь, но уйти не успела, как несколькими, чересчур мощными ударами мачетки была порублена на несколько кусков. Проводник тонко и пронзительно заверещал, схватившись руками за шею, и закрутился на месте.

Расправившись со змеей, Скачков и подоспевший Кривов, накинулись на проводника, сбили его с ног и зажали рот, после чего сноровисто засунули ему кляп и стали быстро вязать руки и ноги. Связанного подтащили к толстому дереву, откуда свалилась змея и посадили, оперев спиной на шершавый ствол и стали разглядывать останки змеи. Специалистов, что это за тварь не нашлось, но все сошлись в едином мнении – раз атаковала и укусила, значит ядовитая. Да и весь обречённый вид контраста, бегущие слёзы из глаз, подтверждали правильный вывод.

Поняв, что действие яда уже начало сказываться, Скачков распорядился: – Пошли отсюда, нам больше потрясений на сегодня хватит, а этот и так сдохнет...., – и группа скорым шагом направилась в глубь леса.

Через час остановились на вершине невысокого холма, где лес был не такой густой и что очень бодрило – тянул неплохой сквознячок. Да и присутствовала приличных размеров выемка, в которой можно было с комфортом расположиться всем и разложить небольшой костёрчик и поужинать горячим. И для наблюдения за путями подхода тоже было очень удобное место, тем более, что было полнолуние и через час должна взойти луна. Все устали как собаки, поэтому особо не шарахались. Быстро стоговили ужин из сухпайков. Произвели боевой расчёт по охране и обороне места ночлега и завалились спать. Но долго заснуть не могли. Если на марше не особо было времени думать и всегда чья-то спина маячила перед тобой, то сейчас каждый остался наедине с самим собой и главное с джунглями, которые только ночью и жили полнокровной и кровожадной жизнью. Днём то тропический лес тоже не выглядел безжизненным и пустым, но вот ночью.... Конечно, может быть во времена конкистадоров ночную тишину могли разрывать кровожадные рыки, мяуканье и визги крупных хищников, какие

они могли тут существовать в те времена. И сейчас были тоже и непонятные крики явно нечеловеческого происхождения, вопли и визги, подозрительные шуршание в ближайших кустах, активный треск веток и даже ломанье их в глубине чащи, но всё это не тянуло на крупных и опасных хищников, а даже успокаивало. Раз они непринуждённо там суеются – то других людей тут нет и сами так затаились, что их тоже не ощущают. По крайней мере не ощущают, как опасность. Но ещё было ярко впечатление от змеюки, укусившей проводника и люди, впервые оказавшиеся в настоящих ночных джунглях, не могли так сразу заснуть, даже несмотря на усталость. И москиты. Днём их почти и не было или их не замечали. То сейчас над каждым лежащим человеком скопились тучи мелких и злобных москитов. Их было так много и так мощно зудели в полуметре от лежащего, что невольно можно было ожидать – сейчас они одновременно схватят и утащат куда-нибудь, после чего спокойно выпьют всю кровь до капельки. Но, слава богу, и спасибо Скачкову, Дэта надёжно защищала людей от такого посягательства.

Первым стояли на охране Скачков и Бызов. Если старший лейтенант, прошедший ночные джунгли на Кубе, почти не обращал внимание на ночную жизнь, то Бызов первый час вздрагивал от каждого хруста в кустах, от чересчур громких звуков, доносящихся из таинственных глубин леса, пристально до боли в глазах смотрел на каждое место шуршания травы, помня о змеях и жутко переживая каждый шорох, настороженно следил за рваным полётом ярких с кулак светляков, летающих в кустах. Опасался москитов, грозно зудящих над головой и терпеливо ожидающих, когда кончится действие антикомарина. Но и он скоро привык и теперь думал о завтрашнем дне. О переходе границы и главное о бое с зелёными беретами. То что Скачков ведёт группу правильно и уверено, уже не вызывало сомнения и то что он сказал, что завтра выйдут к пограничной реке тоже никто не сомневался. И завтра в это время, вполне возможно его уже не будет в живых или наоборот – будет живой...!? Тут он терялся. Страх уже не было и он, где-то чисто психологически смирился с тем, что будет. Ну..., убьют... Хорошо это или Плохо? Тут наверно, как убьют... В бою, в атаке... Главное, чтоб сам не успел понять – что звездец. Нет... понять может и надо, но чтоб быстро. А если ранят и будешь валяться с оторванными яйцами или раздробленной ногой и исходить криком от боли? Или ранят и возьмут в плен? Ведь пытать будут и не поверят, что ничего не знаю... Не..., пусть лучше убьют... Жалко, конечно, вот завтра меня убьют, а вот это дерево будет продолжать стоять и также будет шуметь Москва и Ирка, блин, с которой не успел трахнуться и думал сделать после командировки... Так и будет шарахаться по ресторанам, ну поахнет удивлённо и сочувственно, узнав о его смерти и найдёт другого... А ведь хочется вернуться... Даже вот впечатлений от этого сегодняшнего дня за глаза хватит на всю оставшуюся жизнь. А ведь по сути дела ещё толком и не жил и если оглянуться назад и нечего вспомнить. Рестораны, блядки, размеренная служба в штабе и нечем гордится. А вот эта командировка... Не..., определённо – останусь живым и если выполним задание и вернёмся – надо что-то в жизни менять.

Примерно такие же мысли бродили и у других. Думали о смерти, но больше думали о жизни. После того, как выполнив задание, вернутся в Союз и как будут жить дальше. Как это не странно, но даже у недалёкого и легкомысленного Свиридова впервые в голове закрутились серьёзные мысли о будущем. Но, помыслив в общем и ни о чём, он их отбросил – А потом... Вот вернёмся, тогда и буду решать. А то ещё сглазить можно...

Поташников окунулся в воспоминания, в которых он был рядом с любимыми дочками и женой и вскоре все мысли переключил на себя, на завтрашний бой – Самое главное завтра не заспать..., не подвести парней... Я завтра должен показать себя...

Кривов, Алёхин, Цветков, Снегирёв – перед ними тоже вставало ЗАВТРА и главное это ЗАВТРА пережить. Сделать это ЗАВТРА, чтобы потом не стыдно было идти в ПОСЛЕЗАВТРА и не просто идти, но и гордится, что ты это прошёл – ты это сделал....

Ночь прошла без происшествий и поднялись рано. Без особого аппетита позавтракали разогретыми консервами, а когда стали пить чай, приготовленный на крохотном костерке, Снегирёв задал волнующий всех вопрос.

– Валера, ну и что? Как будем действовать дальше? Граница, как ты вчера сказал, тут в нескольких километрах....

Скачков неторопливо сделал пару глотков и оглядел насторожившихся товарищей: – Я и сам хотел после чая сказать, как будем действовать, но ты опередил. Значит вот такие мои мысли.

Старший лейтенант достал карту и все сразу же придвинулись к нему. Скачков тоненькой веточкой ткнул в карту: – Вот здесь мы сейчас находимся. Вот граница и здесь у этого брода через пограничную реку... Тут видите развалины обозначены... Здесь находится пост никарагуанских пограничников. Про него мне кубинцы рассказали. По идее на той стороне тоже должен быть пограничный пост гондурасовцев, но кубинцы этого не знают....

– А с чего ты решил, что мы находимся вот здесь? – Перебил Скачкова Свиридов, нетерпеливо высказал мучавшее его сомнения и начал тыкать пальцем, – а не вот здесь..., или вот здесь...?

Скачков в ухмылке оскалил зубы: – То-то смотрю ты Игорь и Алексей нездорово наблюдаете за мной, когда я карту смотрю. Что, надеялись заблужусь? А я то думаю, что это они так сразу согласились идти? А вот хер вам....

– Ну что ты сразу в бутылку полез? Да, были сомнения. И что тут такого? – Пришёл на помощь невыдержанному товарищу Бызов. – У меня, у самого сейчас сомнения нет, в том что ведёшь правильно, но блин до жути интересно, как ты ориентировался здесь? Да ещё так уверенно говоришь – Вот тут..., в нескольких километрах пограничный пост. Я тоже сейчас с холма поглядел и никаких признаков цивилизации даже в упор не обнаружил.

– Хорошо, сейчас объясню, но сначала расскажу, как вижу дальнейшие наши действия, а потом давайте поговорим откровенно. Чтоб у нас за спиной все сомнения остались и все были нацелены на выполнение задачи. Значит, на чём я остановился? А..., на погранцах. Тут до них около трёх километров, поэтому двигаемся очень тихо и ничем не выдаём своего присутствия. Подойдём к посту, посмотрим и думаю что там..., недалеко от них и пересекём реку. Где у них посты скрытного наблюдения – не знаю, а у поста они наверно не так бдительно службу несут. Переходим и тут до базы америкосов чуть меньше двадцати километров относительно открытой местности. К обеду будем там. В чём наше преимущество? Судя по карте, их база находится в котловине, между холмами и мы с вершин холмов будем иметь хороший обзор и видеть, что у них там происходит. Случаев нападения на базы контраст на территории Гондураса не было, поэтому они должны себя там чувствовать в относительной безопасности и охрана наверняка тоже чисто номинальная. Но всё это мы должны до темноты разведать, в том числе, где располагаются зелёные береты и выработать детальный план нападения. Атакуем на рассвете. Ну, в общем, вот такой примерный план. Всё уточнять будем по ходу. Вопросы есть?

– Да, и очень тупой, – взглянул на Скачкова Цветков, – А если их там не будет? Зелёноберетчиков.... Ушли раньше, или вообще не пришли и всё это туфта, или ещё смешнее мы не к той базе пришли... Что тогда делаем?

Хмм..., – озадачено хмыкнул Скачков и засмеялся, засмеялись и остальные, – да это будет смешно и по-русски. Мне тут как раз перед сборами анекдот рассказали – Почему мы выиграли у немцев войну. Вот как ты, Слава, спросил, прямо как в анекдоте. Немецкая разведка узнаёт, что русские завтра в 11 часов дня, на таком-то участке фронта предпримут наступление. Немцы перекидывают туда все свои подкрепления и ждут. А русские, как всегда это бывает, сначала банально проспали, когда проснулись и двинулись вперёд, то сразу же заблудились и даже не заметили, как перешли линию фронта, откуда немцы сняли войска и перекинули к месту наступления русских. Только в двенадцать часов дня русские поняли, что

заблудились и повернули обратно и вышли в тыл к немцам в том месте, где их совсем не ждали и вдребезги расхерачили их. Вот так мы и выиграли войну.

Когда все сдержанно отсмеялись, Скачков продолжил: – И такой вариант может быть. Всё равно атакуем, берём базу и разбираемся – Где американцы? И есть ли они вообще в природе? Если информация нулевая – уходим обратно. Во всех остальных случаях – действуем по обстоятельствам...

– Тогда ещё один тупой вопрос, – гнул свою линию Цветков, – я так понимаю, действовать надо быстро. Как мы правду будем узнавать, если тут ни один, в том числе и ты, испанского не знает?

– Хороший вопрос и такой же ответ. Когда пальцы или яйца в косяк зажимаются – все языки мира сразу понимать начинаешь и даже говорить на них начинаешь без акцента. А уж какая толковость появляется и говорить не буду. Главное чтоб там были двери с косяками... Дотолкуемся...

– Да, судя по тому, как ты резал этого несчастного партизана, пытка будет варварской, но успешной, только мне заранее уже жалко становится, даже хоть он и враг, – Цветков это произнёс задумчиво и непонятно: то ли он осуждал сказанное Скачковым, то ли одобрял или констатировал сам факт такого допроса.

– Главное не блевануть, – Скачкова болезненно задело замечание про партизана, но он постарался высказаться бордо и теперь сучливо поморщились Поташников и Снегирёв, – есть ещё какие-то сомнения?

Сомнения ещё были и они озвучились совсем с неожиданной стороны. Со стороны Кривова: – Валера, только без обид. Если бы Игорь и другие не стали задавать вопросы, я бы тоже промолчал, но у меня тоже создалось впечатление, чересчур ты уверенно нас ведёшь... Ты был уже здесь? Это первый вопрос и не ГРУшник ты случаем, засланный в наши ряды? Это второй вопрос. Как бы перед делом хотелось бы ясности.

– Во блин... Вот это удивили меня... Я теперь даже не знаю, как и что ответить, – Скачков удивлённо и одновременно зло закрутил головой, похолодев лицом, – а какая разница – Кто я такой? Мы что лучше станем действовать, если я признаюсь – Да, я майор ГРУ Сидоров Иван Иванович и тут знаю каждый камень. Или наоборот – Я и есть Скачков с Кубы и ни хрена тут не знаю..., но я вас приведу туда куда надо. Что это поменяет?

– Ты Свиридов первый начал вопросы задавать, вот с тебя и начну, – Старший лейтенант резко обратился к капитану, – ты за кем пойдёшь – За старшим лейтенантом или майором? И вообще пойдёшь ли?

– Ты чего, Валера, спросить что ли нельзя? Пошёл же уже..., за старш..., за тобой. – Пошёл на попятную Свиридов и все разом загомонили. Яростней всех стал ругаться Поташников, вдруг встав на защиту Скачкова.

– Чего расшеперились...? Всё так нормально шло и какая вам разница...? Ведёт и ведёт. Ведёт уверенно. Задевает вас, что ли это. Да, я блеванул..., да зассал. А вот он не зассал, не зассал и руки запачкать..., в отличие от нас. Я что-то не помню, чтобы он себя наяривал в старшие над нами. Мы его выбрали и по-моему ещё ни одного прокола с его стороны не было. Чего тогда разбираться? Ты сам Кривов оплошал, хоть и толковым выглядишь. Как так радиостанцию забыть? Сидел бы и молчал в тряпочку... Валера, ты не играй желваками, если они не пойдут – я с тобой пойду....

– Да, забыл..., – ответно окрысился Кривов на эмоциональную тираду Поташникова, – и никто тут не зассал. И тебя, Александр Иванович, никто и ни в чём не обвиняет и нечего тут самобичеванием заниматься. Все мы тут такие...

– Ладно.., ладно..., ребята, – оборвал Скачков разгорячившихся товарищей, – хорош спорить, а то ещё передерёмся. Отвечу я вам честно и всё сразу забудем. Времени у нас нет... Никакой я не ГРУшник, это вы должны сразу просечь. И правильно тут, Александр Иванович,

говорил – вы меня сами выбрали. Это раз. Ну, как я ликвидировал контраста – вы видели сами. Чего тут говорить – неумело, грязно... Это два. Если бы я был крутым спецназовцем..., ну наверно, по-другому всё было. А ориентируюсь вот так уверенно... Так в отличии от всех вас, я артиллерист и обязан лучше вас пехоты читать карту и ориентироваться на местности. Во-первых, как артиллерист, глядя на карту, я и местность представляю зримо, как будто сверху смотрю. И как артиллерист обязан прямо чувствовать всеми фибрами артиллерийской души любое направления. Вот есть в артиллерии такое понятие – Основное Направление. Или – Развернуть батарею в Основном Направлении. Это очень важно для артиллериста – развернуть батарею с ходу в Основном Направлении с ошибкой плюс-минус 2-00. Поэтому мне не нужны такие ориентиры, как – вершина горы..., или одинокое дерево на горизонте.... Научили меня на занятиях и учениях чувствовать эти направления, поэтому и веду так уверенно. В пехоте этого нету – «яйца» нарисовал и плевать, что ошибся триста метров вправо, четыреста влево и сто назад. В артиллерии другие критерии точности. Вот вам и непонятно. Фууууу... Ну что – Снимаем вопрос? Или обсуждаем дальше?

.... Через пятнадцать минут они начали спускаться с вершины холма, а ещё через пятнадцать минут, Скачков шедший как всегда впереди группы, нос к носу столкнулся с контраста, неожиданно вышедшим из зарослей. За ним виднелись вооружённые соратники и обе группы замерли в секундной растерянности. Но уже через секунду одновременно кинулись друг на друга и среди зарослей закипела яростная резня....

Часть третья

Кубинский полковник и начальник разведки базы, в отличие от вчерашнего вечера, сегодня выглядели сильно озабоченными. Коротко кивнули на приветствие Сыскову и Загорскому и сразу отошли к дальнему окну, где продолжали о чём-то горячо шептаться.

Генерал с майором и сами собирались идти к кубинцам, чтобы напомнить о машине и всё-таки сгонять к месту вчерашнего боя, да и не мешало узнать – нет ли какой-нибудь побочной информации, которая могла хоть чуть чуть приподнять занавесь неизвестности над нашей группой. Но тут их кубинцы сами пригласили к себе и теперь они с некоторой тревогой наблюдали за лихорадкой царившей в ещё вчера спокойном штабе. Хлопали двери, заходили кубинские офицеры, что-то докладывали таинственным шёпотом своему начальству, искоса поглядывая на русских, и уходили или же отправлялись к карте, лежащей в левом углу на огромном столе и наносили туда новые данные. Карта, с места русских офицеров не проглядывалась и они прямо испытывали зуд разведчика, хотя бы одним глазом заглянуть в неё и понять причину такой неожиданной суматохи. И тут даже не нужно было идти к гадалке, чтобы понять, что всё это каким-то боком связано с нашей группой. А судя по деловой лихорадке – очень нехорошим боком.

Сысков с Загорским достаточно долго работали в Никарагуа, отлично ориентировались в политической и внутренней обстановке в стране. С успехом отработывали все вопросы своего направления и деятельность кубинских военных, по большому счёту, в их сферу не входило. Но понимая, что мелочей в их работе не может быть, поэтому прекрасно знали, чем тут занимаются кубинцы, чем «дышат» и на какой платформе, если что, с ними можно работать. И вроде бы тут не могло быть каких-либо препон и моментов, препятствующих совместно и успешно решать к обоюдной выгоде задачи, как поставленные высшим начальством, так и внезапно возникающие. Но как-то так со временем, кубинцы стали несколько свысока, с позиций некоего превосходства относиться к русским. И тут были некоторые особенности кадровой системы кубинской армии, надо сказать в некой степени положительные и нашей армии неплохо было бы перенять такой кадровый опыт. Так любой кубинский офицер, прежде чем получить очередное значимое повышение в должности, особенно в командной вертикали, обязан пройти боевые действия в одной из стран, где присутствовали кубинцы. А это – Ангола, Эфиопия и Никарагуа. Прошёл, показал себя в деле – Получи должность. Снова тебя двигают вверх!? Снова боевые действия, но в другой стране. Опять показал себя и шагнул на ступеньку вверх. И как-то так постепенно и не вдруг у кубинского офицерства и воюющих солдат вышло высокомерное превосходство.

– Мы крутые.... Мы, мол, в трёх странах одновременно воюем и неплохо, а вы погрязли в нищем Афганистане и ничего там сделать не можете.

При всём своём жизнерадостном, открытом и лёгком характере, кубинцы были на войне жестокими и мстительными, чем тоже очень кичились, считая наших военных мягкотелыми.

Закончив таинственные перешёптывания, полковник с начальником разведки подошли к столу, за руку поздоровались с русскими и сели.

Полковник сразу же деловито перешёл к сути встречи: – Ходить, как у вас говорят – «вокруг и около я не буду». Необходимости вам ехать на место входа вашей группы в лес нету, так как мы полностью отслеживаем всю её деятельность. И наша группа идёт прямо по пятам вашей. – Полковник выразительно помолчал, наслаждаясь некоторым удивлением, мелькнувшим в глазах русских и продолжил, – наблюдает и одновременно страхует. Давайте быть честными. Ваша группа совершенно не готова к выполнению задачи и весь вчерашний день полностью это подтвердил.

Конечно, это был болезненный укол нашему самолюбию, но на окаменевших лицах генерала и майора, это не отразилось, лишь Сысков раздражённо махнул рукой и с досадой в голосе произнёс: – Давайте этот момент мы пропустим. В конце концов всё здесь определяет конечный результат работы.

– Хорошо, – легко согласился полковник, – двигаемся дальше. Хотя как раз конечный результат наверное будет не таким, каким вы его ожидаете. Вчера вечером, когда мы были у вас, мы уже знали, что они благополучно расположились на ночлег. И как бы каких-либо опасений на их счёт не предвиделось. Но вот последние действия вашей группы ставят нас в тупик и вызывают недоумение и законные вопросы. Вот я и хочу снова задать вам вопрос – Какую задачу выполняет группа? И если, как вы говорите, это тоже в интересах нашей страны, то мы тем более заинтересованы, чтобы ваши разведчики выполнили свою задачу, хоть и с нашей помощью

– Что..., так плохо...? – Генерал смотрел настороженно

Полковник удручённо развёл руками: – Да... Очень плохо. И как бы нам не пришлось и по дипломатической линии устранять скандалы от результата деятельности вашей группы, – не удержался и холодно подколот русским полковник и продолжил. – Ладно, если это Гондурас, но и Никарагуа может задать ряд жёстких вопросов. А действовать нужно быстро и выработать единую линию защиты. Начальство далеко, а мы вот здесь и решения всё равно придётся принимать нам.

Сысков переглянулся с Загорским, понимая, что в словах кубинца прослеживалась железная логика: – Прежде чем принять какое-либо решение, нам необходимо знать, что с нашей группой?

– Прошу, – полковник жестом хозяина пригласил русских коллег к столу с картой, взял руки карандаш и стал обстоятельно рассказывать, одновременно показывая карандашом точки на карте. И по мере того, как он рассказывал, лица русских мрачнели от вываленного на их головы негатива.

– Вот здесь вы высадили свою группу и здесь же столкнулись с передовым дозором контрас. У вас убит один и один ранен. С их стороны убито семь и ранено один....

– Чёрт..., – не выдержал Загорский и перебил полковника, – всё-таки правильно говорил Поташников, что он срезал четверых.... Извините, товарищ полковник, продолжайте...

– Да он был четвёртый и он поведал основному отряду о русской группе. Так что, то что ваши вышли на задание кому положено знают....,

Теперь уточняющий вопрос задал Сысков: – А вы откуда знаете так всё обстоятельно?

Полковник снисходительно усмехнулся: – А мы его обратно отбили, когда наша группа атаковала основной отряд контрас. Вот, товарищ майор.... Вы меня извините, товарищ майор, я вашу фамилию не могу выговорить. Вот он и слышал стрельбу. Правда, бандит успел получить второе ранение. Привезли его сюда, оказали медицинскую помощь и он всё это рассказал. У отряда была задача напасть на нашу базу и по мере возможности уничтожить вашу группу. Напасть, конечно, сил у них было мало, но вот обстрелять с миномётов, и так хорошо обстрелять они хотели. Тащили много мин.

– Мы можем с ним поговорить? – Сразу же задал новый вопрос Сысков.

Полковник переглянулся с начальником разведки и усмехнулся: – К сожалению нет. Во время допроса он умер.

– Понятно...

– Так вот продолжаю. Вот тут ваша группа вошла в лес. Наши, когда отогнали отряд контрас в глубь леса и отправив машину с ранеными и убитыми контрас сюда на базу, тоже пошли за вашими, благо ваши такие следы оставили, что даже удивительно, как их ещё не обнаружили контрас. Правда, шли хорошо и быстро. Здесь, у ручья, они остановились на дневной привал, – полковник указал карандашом очередную точку, – и вот тут не совсем понятно, но откуда-то у

них оказались пленные. Скорее всего, они сами вышли прямо на ваших и их повязали. Одного они убили. Убили варварски, как наши доложили – вся поляна была залита кровью. Да ещё половина группы облевалась....

Полковник и начальник разведки непроницаемыми глазами уставились на русских офицеров, как бы вопрошая – Ну что скажете?

А говорить было нечего, а слушать ещё больше неприятно. Благо кубинцы тактично промолчали, а не задали вопрос – Вы кого там послали? Генерал с майором переглянулись и в свою очередь уставились на кубинцев, всем своим видом показывая – Ну.... Это наши проблемы. Давай дальше. Не дождавшись каких-либо оправданий или слов, полковник продолжил.

– Ваши прошли по ручью вверх метров двести и снова остановились на привал. Наверно приводили себя в порядок....

– Товарищ полковник, давайте опустим все эти моменты, а то мы так и застрянем на этих гастро-желудочных подробностях. Ну, не так зарезали – может шутили они с ним таким образом. Проблевались..., тоже не страшно – общее пищевое отравление. Нам это не интересно. Давайте по существу, – твёрдо потребовал генерал и добавил чуточку дружелюбнее, – по существу...

– Да, конечно, опустим эти подробности, – легко и без обиды согласился полковник, – деревня была занята контрас, поэтому после второго привала группа обошла её по большой дуге и пошла дальше. Здесь...

Новый тычок карандаша в карту, – обнаружен связанный труп контраса, который был проводником у ваших.

– Надеюсь, тут к трупу претензий нет, – не выдержал и подколот кубинца Загорский, тот усмехнулся.

– Нет, тут всё нормально. Он погиб от укуса змеи, благо она там же порубленная и валялась. И здесь они остановились на ночлег. Организовали охрану и ночь прошла нормально. – Полковник бросил карандаш на карту, как бы этим ставя точку в своём докладе.

– Так. – Сразу же оживились Сысков с Загорским, подспудно ожидавшие совсем неприятные и неожиданные известия, – всё идёт нормально и мы не понимаем – Что вас может беспокоить?

Полковник рассмеялся, правда, веселья в этом смехе было маловато: – Да, это вчера было всё нормально. Вернее до сегодняшнего утра. Конечно, нам интересна какова задача вашей группы и могли ещё вчера предполагать в каких-то разумных рамках. Ну, идёте к границе... Может быть вам кого встретить или принять некий груз оттуда? А вот с утра....

Вот, что мои передали. В полукилометре от привала, моя группа, вышла на место рукопашной схватки ваших и контрас. Десять трупов. Ваших среди них нет. Резались молча, стрельбы слышно не было. Мои пошли вслед им и, судя по следам крови, у вас тоже потери. Через тридцать минут услышали несколько автоматных очередей в районе погран поста никарагуанцев. Вот здесь у брода через пограничную реку. Когда наши туда пришли три трупа пограничника и двое в тяжёлом состоянии, без сознания. Ваши поработали. Зачем? Зачем их то? Пограничный джип отсутствует и ваших нет, но следы ведут за границу в Гондурас. Мои отошли и заняли позицию на вершине холма в восьмистах метрах от пограничного поста. И пост оттуда проглядывается и километра три дороги с той стороны видно. Вот у меня и два вопроса. Первый – Что с пограничниками делать будем? И какова ваша задача? Да и третий вопрос – Нужна ли наша помощь?

Сысков и Загорский были профессионалами и их этими чудесами удивить было сложно. Мало, как могла повернуться ситуация, заставившая группу уничтожить пограничный пост, пусть хоть и номинальных союзников. Бывало и похлеще. Главное группа ушла в Гондурас и нацелена на выполнение задачи. Единственно, что цепляло – группа понесла потери. Вот это уже серьёзно.

– Мы выйдем, порешаем, что нам делать, – Сысков поднялся, следом за ним кряхтя поднялся Загорский и громко стуча палочкой по деревянному полу, вышел за генералом, оставив за спиной, удивлённых спокойствием русских, кубинцев.

– Геннадий Петрович, ты иди в комнату, а я один тут поброжу и подумаю. Потом всё обсудим.

Минут тридцать, которые для обоих прошли в продумывании дальнейших шагов, пролетели мигом. И генерал, на правах старшего, стал говорить первым.

– Геннадий Петрович, вот что я надумал. Мы сейчас с тобой ни на что не влияем. У нас для этого нет никаких средств и рычагов. Мы с тобой в пассиве. Те же кубинцы находятся в гораздо лучшей стартовой позиции, чем мы. Есть два пути, по которым мы можем идти и каждый из них скользкий.

Первый: Кубинцам ничего не говорим о сути операции. Парни ушли в Гондурас. Значит, они нацелены на выполнение задачи. Мы почти ничем им помочь не можем. И остаётся только надеяться на следующий исход операции. Идеальный: они дошли, атаковали, уничтожили объект и отошли. Даже если и с потерями. Хреновый – атаковали и погибли, не достигнув результата. Самый хреновый – ещё попали в плен. Остальные вытекают исходя из первых двух, с разными вариантами. Одни лучше, другие хуже. Исходя из вышесказанного – ждём. В 20:00 докладываем, что группа в Гондурасе и готовится к уничтожению объекта ранним утром. Если до десяти утра завтрашнего дня никаких известий от группы не будет, тогда я попрошу, чтобы кубинцы оставили свою группу ещё на сутки в районе уничтоженного пограничного поста, а сам еду в посольство и перекраиваю весь протокол встречи и переговоров. Ты остаёшься здесь, на всякий случай, ещё на сутки. Я за тобой пришлю из Манагуа машину. Тогда останется надежда только на агентурную информацию о судьбе группы.

Второй путь – авантюрный. И вряд ли он сработает, но даже если частично и то нормально будет. Надо начальника базы на свою сторону перетащить и заставить действовать на свой страх и риск. Вот этим я сейчас и займусь. Как тебе этот план? Давай, попробуй расшатать его.

Загорский внимательно слушавший своего начальника, с загадочным видом пододвинул листок бумаги, куда он занёс свои мысли перед приходом генерала: – Сергей Иванович, мы мыслим одинаково. Я специально записал, чтоб у вас и мысли не возникло, что поддакиваю вам.

Генерал быстро пробежал глазами написанное и усмехнулся: – Тогда, тому так и быть. Ты тут сиди, а я сейчас полковника сюда приведу. Здесь нам его обработать гораздо легче будет, чем в штабе.

Через десять минут он вновь появился в комнате: – Сейчас придёт...

А ещё через пятнадцать минут появился полковник и тут же уселся за стол, напротив русских офицеров.

– Я вас слушаю...

Генерал встал из-за стола и задумчиво прошёлся несколько раз по комнате, потом решительно сел и слегка нагнувшись над столом, начал говорить.

– Какую задачу выполняет наша группа в Гондурасе, я сказать сейчас не могу. Могу только повторить: от результата данной операции зависят государственные интересы СССР и вашей страны. Добавлю ещё, что и жизни весьма высоких персон как советских, так и кубинских. Вы уж наверно доложили своим на верх, что тут русские играют в непонятные игры? Доложили. И там наверно уже докопались до сути. Так вот я вам предлагаю, ничего не объясняя, сыграть сейчас вместе с нами. Если вы говорите – «Да». Я вам частично рассказываю об операции.

– А вы что, не надеетесь на своих?

Генерал болезненно поморщился: – Если отбросить, то о чём вы и сами догадались. Я говорю о подготовке..., их осталось просто мало и есть вероятность, что их просто не хватит.

– А что мне мешает сказать «Да», а услышав содержание операции потом сказать «Нет»?

Теперь генерал усмехнулся: – Ну, мы ведь Офицеры и не в пивбаре сидим, обсуждая – купаться нам завтра или нет? Тем более скажу, что через пару дней вы и сами узнаете, что мы тут делали. Не детали, конечно, но в общем... Выиграем, а с вашими парнями мы будем играть наверняка – и тогда у всех нас будет «Вся грудь в крестах». Ну, это у нас, у русских, так говорят. О наградах я...

– Так вот задаю вопрос – «Да» или «Нет»?

Полковник поднялся из-за стола, но только ходить по комнате не стал, а подошёл к окну и ничего невидящим взглядом уставился на улицу и на своих внутренних весах стал взвешивать степень риска. То, что операцией руководил советский генерал, да ещё военный атташе, само за себя говорило о чрезвычайной важности операции. И если бы дело касалось территории Никарагуа – даже не задумывался и сказал – «Да». Но здесь придётся идти на территорию другого государства и совершить диверсию. Хорошо, если всё удастся и группа без потерь вернётся обратно. Даже если дипломатический скандал, осложнение между государствами – всё можно спихнуть на русских. Опять же операция под эгидой советского посольства... Да тем более если они послали туда посредственно подготовленную группу, то мы уж эту задачу выполним легко.

А если будут потери...? Нет – не так.... Даже если всё пройдёт отлично, всё равно найдутся люди, там наверху, обиженные что их не спросили и не пристегнули к успеху, которые наверняка найдут повод для обвинений в самовольстве и в авантюризме. А ведь есть хорошая возможность отличиться и шагнуть тоже хорошо вверх.

При внешнем спокойствии, внутри полковника бурлил здоровый военный азарт и теперь нужно только правильно сделать выбор – «Да» или «Нет». Стоит рисковать или Нет? Да или Нет? Нет или Да? Хочется, и как русские говорят, и колется... Да Или Нет? В процентном отношении 50 на 50. Значит – Согласиться? А ведь, чёрт побери, задачу я всё-таки не знаю. Тогда шансы несколько другие, даже при оптимистическом раскладе 40 на 60. Но с другой стороны у русских туда ушло всего несколько человек. А у нас уйдёт в два раза больше и командир группы опытный офицер... Согласиться.... Сказать «Да». А если русские что-то не договаривают? И что-то такое государственные интересы и жизни нескольких военных....? Кубинских полковников и советских генералов...? Сожрут же в случае неудачи – даже глазом не моргнут. Чёрт..., чёрт... чёрт, я ведь это проходил в Анголе. Дадут посмертно ордена, пышные похороны... Ну, материально семьям немного помогут... Для государства это всего пшик.... Друзья забудут через неделю, а для родных это растянется на всю жизнь.... Это при хорошем раскладе. А если хреновый? Ведь тогда объявят преступником и всё это также на семью ляжет... Нет, надо отказаться. Но с другой стороны – Не я ведь пойду туда... Мне только надо сказать «Да» или «Нет». Если успех, то плевать на злобное шипенье – Победителей не судят. Победителей награждают. А если неудача, потери....!? Чёрт, что же сказать? Как быть? Как угадать, что будет через сутки или двое?

Всё это чуть ли не бегущей строкой бежало по широкой спине полковника. И если бы не серьёзность ситуации, можно было втихушку и посмеяться. Но сейчас от решения полковника в какой-то степени зависела судьба операции. Даже если и скажет «Да», Сысков не собирался сразу же использовать кубинских разведчиков. Перейдут границу, дойдут до куда надо, дадут информацию.... И там посмотрим. Скажет «Нет», тогда выжмем из него по максимуму и ему просто неудобно будет отказать.

Наконец-то полковник повернулся к русским, поднял левую руку и, постучав пальцем по стеклышку часов, твёрдым голосом сказал: – Через пятнадцать минут я скажу своё решение, – и направился на выход.

– Надеюсь, что пока наш разговор останется между нами, – крикнул в спину кубинца Сысков, а когда тот обернулся ещё и пальцем обвёл круг, заключив туда присутствующих в комнате.

– Вот куда он побежал и что ему надо для принятия решения? – Сысков подошёл к окну, туда подковылял и Загорский, у которого нога сегодня болела на удивление меньше. Увидев поспешно удаляющуюся спину в сторону узла связи, генерал выругался, – вот сука, неужели сейчас с Гаваной будет связываться и советываться?

Последующие пятнадцать минут прошли в томительных размышлениях и в молчании. Комбинации – комбинациями, но ситуация была вязкой, мутной и покрыта мраком. И сейчас мысли ледяными глыбами и льдинами налезали друг на друга, строя жуткие и непроходимые торосы размышлений. И если у полковника не было за спиной жуткой ответственности, то генерала и майора она прямо давила и только природное русское АВОСЬ, военное КАК-НИБУДЬ и огромный практический опыт личного участия в подобных операциях, не давала им свалиться в банальную панику.

Через пятнадцать минут хлопнула входная дверь и на стул опустился полковник.

– Я говорю «Нет», – твёрдым голосом произнёс кубинец на вопросительные взгляды.

– Хм..., – хмыкнул генерал, а Загорский недовольно заёрзал на стуле.

– Если это возможно, поясните почему – «Нет», – попросил генерал.

– Я договорился о связи с группой теперь каждый час. Вот и ходил на узел связи. Вот что доложил командир группы: – на пограничном посту сейчас полно пограничников и в основном начальство. Разбираются, что произошло. Если бы не разгром вашими поста, я бы сказал «Да». Но если тяжело раненые вспомнят и скажут об однородности экипировки и формы нападающих, да и ещё что все были европейской внешности... Никаким нападением контраст тут пахнуть не будет и прибегут они сюда разбираться, как к самым близким. Так что у меня своих проблем будет часа через три дополна.

– Что ж логично, логично..., – задумчиво протянул генерал, отсутствующим взглядом, глядя на полковника и надолго замолк, а у Загорского вдруг ярко вспыхнула дикая надежда, что у более опытного начальника прямо сейчас, вот в этот момент рождается новая комбинация, могущая перевернуть всю ситуацию с ног на голову и в нашу пользу. А генерал всё тянул и тянул паузу, погрузившись в себя и вызывая законное недоумение у кубинского полковника. Но Сысков, вдруг возбуждённо блеснув взглядом и подняв указательный палец вверх, значительно и почти фамильярно сказал, – но не так однозначно, как ты это, полковник, видишь. Как раз это меняет всё.

– Действуем следующим образом, – Сыскова охватил азарт от новых открывающихся возможностей и вариантов спасти дело и прикрыть свою задницу и задницу подчинённого. Теперь за столом сидел не просто военный атташе, а ГРУшный генерал с железной волей и твёрдым, приказным голосом, которому невольно и подчинился полковник, – Первое: твоя группа остаётся поблизости с погран постом, себя естественно пока не проявляет, но всё находится у неё под контролем. Ты там говорил, что они и ту сторону видят на три километра. Пусть наблюдают ещё сутки. Об изменении ситуации – доклад мне..., то есть тебе немедленно, а ты сразу мне. Второе: надо сделать всё, чтобы ну... примерно часа через четыре расследование перекинулось сюда. К тебе на базу. Не делай, полковник, удивлённого лица и не беспокойся – все переговоры беру на себя, но в подробности вдаваться пока не буду. Как насчёт группы?

– Группе приказ будет отдан, – полковник не дёргался и охотно подчинился советскому генералу. Подчиняясь, он нёс минимальнейшую ответственность, но вот в случае удачи он сумеет повернуть ситуацию в свою сторону и примазаться к успеху. А если неудача у русских и всплывёт какая-то его там причастность, он всё спихнёт на русских. Ну, максимум что ему скажут: – Коронель, ну ты что дурак что ли? – С такими мыслями он удалился из помещения, куда невольно переместился неформальный штаб операции.

– Сергей Иванович, что вы там надумали? – Нетерпеливо задал вопрос Загорский, – я тут голову сломал над извечным вопросом – Что делать? А у вас, я вижу, всё уже сложилось...

Генерал не без доли самодовольства поглядел на зама: – Да, Геннадий Петрович, учись пока я живой. Вот она мозаика и сложилась. Объёмная мозаика и ключевым моментом здесь является как раз разгромленный нашими парнями пограничный пост..., – Сысков торжествующе поднял указательный палец вверх и даже сам невольно его внимательно осмотрел, вдруг испугавшись – А не выдаст ли этот палец все козыри кубинцам? Нет, там всё было в порядке и даже его «правая рука» Загорский не понимающим взглядом смотрел на палец.

– Сергей Иванович, не томите. Я сейчас себя чувствую Шурой Балагановым перед Остапом Бендером.

– Вот и чувствуй... «Пилите Шура..., пилите. Только вдоль, а не поперёк». – Довольно хохотнул генерал, – Дай повеселиться старику... Хотя тут есть и ложка дёгтя. Хреновая, но есть. Она морального свойства и она нам даст просратья, просратья душевно потом..., когда всё закончится, но вот на саму операцию, эта ложка, не скажется.

Изрядно потомив Загорского, генерал не без хвастовства стал растолковывать новые вектора развития ситуации.

– Вот ты, Геннадий Петрович, всю эту картинку видишь плоско оттого, что у тебя не хватает опыта. Я, помимо того, что вижу объёмно, включаю сюда и ещё одно измерение – Время. И теперь эту картинку можно крутить, как хочешь. Не понимаешь?

– Нет пока..., – честно признался майор.

– Когда полковник сказал что на разгромленном посту трое убитых и двое тяжело раненых и без сознания, я тогда пожалел и подумал – надо было и этих двоих кончать. Как ни жалко, но полностью обрубить концы. А сейчас радуюсь, что есть живые свидетели нападения. И теперь при любом исходе операции мы прикрыты со всех сторон. Действуем следующим образом. На всякий пожарный случай выжидаем часа четыре. За это время наверняка появится дополнительная информация, на которую можно будет опереться. Через четыре часа вытягиваем сюда никарагуанские власти, проводящие расследование пограничного инцидента и я, как военный атташе Советского Союза, как компетентное лицо с определёнными полномочиями, довожу до них следующее. Примерно такое, потом чуть получше ещё подумаю.

Генерал прокашлялся: – Со всей авторитетностью заявляю... Нет. Погоди. Ладно, говорю следующее. Что нам стала известна информация о предстоящем нападении американских командос, под видом кубинских военных, на данный пограничный пост. А мы прибыли сюда на базу, чтобы отсюда выслать группу кубинцев и защитить пост, но не успели. Группа кубинского спецназа находится около поста. Цель нападения – Создание условий для проникновения американских диверсантов для уничтожения ряда представителей власти, как Никарагуа, так и других дружеских стран. И под этой маркой, под наше заявление мы поднимаем все местные спецслужбы, уже открыто, меняем весь протокол встреч и переговоров и уже в более безопасном режиме проводим вот эти переговоры. Ну, это вот так. Пока вот так простенько и сыровато. Чуть позже подшлифую. А теперь готов с тобой поспорить. Давай ломай всю эту мою конструкцию. – Сысков азартно потёр руки.

Загорский тоже загорелся и придвинулся к столу: – Первое чтобы я спросил на месте никарагуанцев – А почему сразу не обратились к нам по поводу нападения на пост? Это только первое. Жду ответа.

– Ерунда. Только так отвечу, – генерал откинулся на спинку стула, – мы направили туда группу спецназа, чтобы не только отразить нападение, но и захватить нападающих в плен. Выяснить всю информацию про диверсантов и показать миру «звериное» лицо американского империализма. Звучит пафосно, но в тему. Выдвигались скрытно, к сожалению не успели... Только так такая версия пройдёт. Вот тут как раз и подойдет показание выживших, что нападавшие были белые и европейской внешности...

Теперь Загорский откинулся на спинку стула и со вздохом сожаления атаковал новым вопросом: – Теперь самое слабое место. Как раз про европейскую внешность. А если наши во время боя матерились по-русски? И следующее. Наши там, в Гондурасе, при атаке на американцев погибли или ещё хуже попали в плен. И заговорили... И американцы. Или наверно власти Гондураса авторитетно предъявят трупы русских диверсантов, убитых на территории чужого государства или ещё хуже покажут пленных русских, да ещё рассказывающих как их военный атташе послал и какую задачу поставил. Каково? Или Какава? Да..., и живые пограничники скажут – Так вот... Это они напали на пост. Мы их узнали....

– Оооо..., вот этого я как раз и не боюсь. Тут кто первый во весь голос заявит свою версию – тому и будет веры больше. А насчёт наших пленных. Тоже ничего страшного. Так и заявим – были выкрадены с территории Никарагуа. Приехали сюда для обмена опыта, а их украли. Ещё такой вони подыдем, что их быстренько нам отдадут обратно. И тут будет играть на нас всё: они не спецназовцы, с разных мест и гарнизонов, и так далее и тому подобное. А то, что пограничники узнают – тоже ерунда. Никарагуа ну ни как нельзя из-за смерти нескольких пограничников портить отношения с Кубой и СССР. Как узнали, так и забудут.... Ну, есть ещё вопросы?

Загорский задумчиво покрутил головой: – Будут, я ещё подумаю, какие вопросы нам смогут задать.

Следующие два часа прошли в напряжённом ожидании какого-либо изменения в сложившейся обстановке. От пограничного поста пару раз приходили доклады, что там начальство разъехалось и идёт рутинная работа следственных органов.

А ещё через час в комнату, где сидели Сысков и Загорский, прибежал взволнованный полковник и с порога огорошил неожиданным известием: – Ваши приехали.... Там..., у шлагбаума....

Генерал с майором, ошарашенные таким известием, переглянулись, прочитав в глазах друг друга один и тот же вопрос: – Как так? Они же в Гондурасе должны быть....

Но выскочив к шлагбауму на въезде на базу, у них немного отлегло от сердца. Перед полосатым, средней толщины бревном, стоял джип с открытым верхом, с работающим двигателем и с символикой пограничной службы Никарагуа. За рулем сидел хмурый Поташников с перевязанной в виде высокого тюрбана окровавленным бинтом головой, а в небольшом кузове, под куском брезента виднелись очертания двух тел.

– Запускай, чего тут держите, – нервно крикнул генерал и солдат-кубинец, глянув на кивнувшего полковника, поднял шлагбаум. Джип заехал на территорию базы и, проехав по кругу, остановился у крыльца, куда выходили двери комнаты атташе.

– Пятеро..., их осталось пятеро. Что они сумеют сделать впятером? – Примерно такой круг вопросов крутился в головах офицеров, пока они скорым шагом шли к машине. Поташников вылез из машины и откинул брезент, где глазам Сыскова и Загорского открылись, залитые кровью тела майоров Алёхина и Кривова. У Алёхина перерубленное наполовину горло зияло большой кровавой раной с ровными краями. А Кривов, судя по многочисленным, кровавым бинтам в самых неожиданных местах, тот был весь изрублен и так сразу даже было невозможно сказать – десять или двадцать присутствовало рубленных ран. Видать, он защищался руками от последних ударов: на правой руке отсутствовало четыре пальца, а на левой лишь половина ладони также обмотана бинтом.

– Алёхин сразу нарвался на удар и... сразу, – Поташников удручённо махнул рукой и болезненно скривился, невольно дотронувшись рукой до раны на своей голове, – а Кривов, тот одного прикладом в голову вальнул, а второй наскочил на него со спины и рубанул мачеткой, тот упал и второй пошёл его полосовать.... Мы его дотащили до погран поста, он ещё живой был и умер, час тому назад. Чёрт, не успел его довезти.

Поташников виновато опустил голову. Сысков ободряюще похлопал Поташникова по плечу: – Ладно, ладно, пошли к нам, там и расскажешь что и как. Загорский повёл Поташникова в комнату, а Сысков остался на улице, поджидая полковника.

– Мы сейчас с ним сами поговорим, а потом до тебя доведём всё. Дай пока команду своим, пусть с моими погибшими разберутся... И машину спрячут.

В комнате Загорский щедро налил виски в стакан и, Поташников выпив крепкое спиртное как воду, вытер грязным рукавом губы. Лишь потом полез вилкой в банку с тушёнкой, жадно закусывая, а когда зашёл генерал ему только и оставалось затануться сигаретой и начать рассказ.

– Мы только спустились с холма, где ночевали. Прошли по склону метров триста – четырёхста и на нас напали. Кто это были непонятно. То ли контрастас нас пасли, то ли контрабандисты, но их было десять человек. Я шёл в середине, считая, что это самое безопасное место, а вот у Скачкова наоборот – самое опасное. А они пропустили Скачкова, Бызова и Свиридова, которые шли за Валерой и напали именно на середину. Где были я, Алёхин и Кривов. Снегирёв и Цветком в этот момент чего-то отстали и их не было видно...

...– Чёрт, прошли-то минут пятнадцать, а я уже мокрый как мышь, – Поташников машинально вытер рукавом мокрое от пота лицо и слегка подбросил, поправляя вещмешок на спине, и снова уткнулся взглядом в такую же мокрую от пота спину Свиридова шедшего впереди. За ним виднелся Бызов, а самый первый Скачков, который в это время прорубал в густом и колючем кустарнике брешь. Движение из-за этого замедлилось и немного растянувшиеся колонна стала сокращаться. В этот-то момент и напали. Без выстрелов и криков. Молча, только отчаянный хруст и треск растительности отметил бросок нападавших, а потом уже и крики, мат, предостерегающий, удивлённый, схлестнувшихся в схватке. Поташников, вот к такой – внезапной, стремительной схватке готов не был. Ему бы секунд двадцать, да ещё бы кто-нибудь решительно подал команду на отражение – тогда да, тогда драться можно. А вот так: только что было всё мирно, а через секунду тебя уже убивают... И убивают, не из огнестрельного оружия, а по варварски, стремительно размахивая острыми мачетками, отчего Поташников растерялся, просто застыв столбом посередине папоротниковидных растений. Наверно это его и спасло. Он превратился в баобаб, растущий здесь уже тысячу лет, в безобидный безмозглый папоротник, стелющийся по земле, в лианы, бессмысленно свисающие с веток тропических деревьев. Он не испугался, а просто растерялся и сейчас смотрел на всю эту бойню, развернувшуюся перед его широко распахнутыми глазами. Алёхин тоже растерялся, но растерянность его вылилась в серию мелких, рваных, инстинктивных движений и он незащищённым горлом прямо наткнулся на острую мачетку, заканчивающую своё круговое смертоносное движение. Хрясьсь... – тугая струя крови пронеслась мимо нападавшего и густо залила широкие и лёгкие листья папоротника, пригнув их к земле. А из перерубленного горла уже летели обильные брызги и в ране лопались кровавые пузыри. Даже напавший замер, с изумлением глядя, как из большого, молодого и сильного тела, вместе с кровью, брызгами и страшным сипом перерубленной гортани, стремительно уходила жизнь. И Поташников, несмотря на то что он был и так мокрый от пота, выдавил из себя оставшуюся ещё жидкость, поняв, что сип, рвущийся из открытой глотки – это крик боли, ужаса и понимания смерти. Алёхин рухнул в траву, как будто из него выдернули металлический стержень. Рухнул уже мёртвый, а взгляд Поташникова встретился со взглядом тоже впавшего на мгновение в ступор худощего и небольшого роста бандита. И они бросились друг на друга. Бандюган стремительно и ловко махнул мачеткой на неуклюжего и крупного противника и это было бы последнее, что в своей жизни увидел майор. Но он банально запнулся о какую-то корягу на земле и мачетка со свистом пронеслась над головой падающего, а Поташников с силой врезался головой в живот шустрого нападавшего и легко завалил его в траву. Автомат давно куда-то выпал из рук и Андрей Иванович полз по поверженному противнику, впитывая и вбирая в себя все его кислые и вонючие запахи такого

же потного и грязного тела. Тянулся руками к горлу, а тот неистово бился под ним, задавленный тяжестью противника. Руки сомкнулись на худом и тонком горле, захрустели хрящи и тело забилося ещё сильнее, а Поташников всё сильнее и сильнее сдавливал пальцы и так уже раздавленного горла с торжеством победителя, глядя на побелевшие и выкатывающиеся из орбит глаза. Всё, он не жилец... Поташников резво вскочил на ноги и мигом огляделся. Скачков, Свиридов и Бызов встали спиной к спине и успешно отбивались от насакаивающих бандитов. Двое, безжизненными куклами, уже лежали у них под ногами, а трое, в неудержимом запале, продолжали бросаться вперёд. Резко развернулся обратно и успел увернуться от нового удара и упал, сразу как-то так нащупав под рукой автомат. Отбил звенящим ударом мачетку, подставив ствол автомата, перевернулся в бок и вскочил, снова увернувшись от разящего удара. И сам, развернувшись, с силой опустил автомат на голову бандита. С металлическим лязгом отлетела погнутая крышка ствольной коробки, а попавший под удар послушно рухнул в траву без сознания. И в это время на поле схватки ворвались оставшие капитаны, которые и решили исход боя. Они сразу же замолотили автоматами, как дубинками, двоих бандитов, в азарте рубивших уже почти не шевелившегося Кривога, и кинулись со спины на осаждавших головную группу. Всё было кончено в минуту и Поташников со стоном опустился на землю, с удивлением рассматривая кровь, залившую ему левое плечо и руку. Он отрешённо смотрел, как остальные добивали ударами прикладов ещё шевелившихся противников, вдруг почувствовав сильную боль в голове.

– Андрей Иванович, ты что ранен? Как ты...? – Засуетился вокруг него Свиридов, а остальные собрались около Кривога, пытаясь перевязать его многочисленные раны. Алёхину только закрыли глаза, понимая, что тот уже ДАЛЕКО.

А Свиридов, с ходу вколов тюбик промедола в бедро товарища, заставив его вздрогнуть от мимолётной боли, колдовал у него над головой: – Ну, Андрей Иванович, если выживем, будет что тебе рассказать. Тебе ведь почти скальп сняли...

Ожидая благотворного влияния промедола, Поташников теперь уже с тревогой озабочился как раз о будущем: – Игорь..., Игорь..., так там? Плешь что ли теперь будет? У меня же жена лысых не любит... Хотя большая лысина будет или ерунда? – С надеждой ныл майор, всё ещё находившийся в шоке, а Свиридов, нервно похохатывая, успокаивал.

– Да я тебе сейчас этот кусок кожи с волосами обратно прищандорю, может прирастёт...

Поташников тут же зашипел от боли и заругался, после чего жалобно заскулил: – Игорёха..., Игорёха..., ты только там аккуратней..., аккуратней прикладывай, особенно по крайчикам..., чтобы шрам потом меньше был виден....

Ещё раз проконтролировав убитых бандитов и убедившись, что все готовые, Скачков достал карту и на несколько мгновений задумался, оглядывая товарищей. А те молчали, давая возможность принять решение, окончательно и бесповоротно доверившись старшему лейтенанту.

– Кто по-английски может прилично балакать? – Неожиданно задал он вопрос, подняв от карты голову. Все удивлённо запереглядывались и Бызов с Цветковым нерешительно протянули, что если нужно – то говорить смогут.

– А остальные? – Скачков оглядел и удовлетворённо качнул головой, увидев неопределённый жест рукой Свиридова, – потянет... Так, парни, план следующий. Сейчас двигаем в сторону пограничного поста. Там наверняка есть машина. Захватываем, связываем всех, изобращаем американских командос, забираем машину и....

– Андрей Иванович, ты как? – Обратился вопросительно Скачков к Поташникову.

– Нормально, а что делать надо?

– Вот и хорошо. Ты садись за руль, загружаем в машину Алёхина и Кривога и ты везешь их на базу. Ну а мы пойдём дальше выполнять задание. Вопросы есть? – И исподлобья

глянул на товарищей, ожидая всплеска эмоций и неприятие его решения. Но в тоже время особо и не удивился, когда Бызов решительно потрянул автоматом, встал и сказал: – Вопросов нету, Валера. Давай пошли.

Но зато появилась куча вопросов и протестов у Поташникова, который быстрой скороговоркой все их разом вывалил на Скачкова.

– Валера, я не понял – А почему я должен ехать? Я не хочу. Пусть другой едет, тем более как я поеду, если дорогу не знаю. Да и водить особо не могу....

– Андрей Иванович, давай не будем спорить. Во-первых: ты ранен, а мне нужны здоровые. Ну, а во вторых ..., – тут Скачков подсластил пилюлю, – ты больше всех завалил..., аж пятерых человек. Больше всех. Заодно и расскажешь генералу, как тут у нас дела идут. И честно сказать, даже если они убитыми были оба – не гоже их здесь бросать, даже на время.

– Ну, вас же пятеро остаётся, – закинул последнюю удочку майор.

Скачков задумчиво вздохнул:– Что ж, придём на место и глянем, как нам впятером по максимуму сработать...

.... Поташников замолчал и намекающее посмотрел на бутылку с виски. Загорский сразу же плеснул в стакан, а Сысков спросил: – А что у вас с пограницами произошло?

Майор не спеша выпив, заговорил только после того как кинул себе в рот порцию тушёнки, прожевал и сожалеющее произнёс: – Да там сначала всё получилось нормально. Цветков со Снегирёвым, незаметно подобрался к двум пограницам, которые дежурили на дороге и оглушили их. Скачков, Бызов и Свиридов после этого ворвались в будку. Там даже не будка, а приличный домик на несколько комнат. И там тоже всё прошло нормально – тоже двое пограничников балдели. Вот этот джипик стоял за ним. И всё шло хорошо. Двоих с дороги затащили во внутрь и их там начали вязать. Я то остался с Алёхиным и Кривовым в кустах. Кривов как раз очнулся и меня тихо позвал к себе и я отвлёкся. А через пару минут там стрельба поднялась. Оказывается, пятый пограничник с оружием откуда-то появился и зашёл в будку, когда его никто не ожидал. Шустрый, блин, оказался. А там только связывать остальных собрались. Вот так и произошло. Трех убили двое ранено, Скачкову пуля в голову попала....

– Как – Скачков ранен? – В волнении вскочил с табурета генерал.

– Ну не совсем... Так..., пуля чиркнула и крови мало. Перевязался и дальше они пошли, а я вот на машине приехал. Скачков мне карту с дорогой оторвал. Да, просил ещё – если выживут, то прорываться будут обратно тоже в этом районе и просил организовать приём.... Товарищ генерал-майор, разрешите мне в санчасть сходить....

Выполнив свою задачу и всё рассказав, Поташников прямо на глазах стал слабеть и сил у него хватило только выйти на крыльцо и там осесть. У крыльца нетерпеливо ждал своей очереди на общение с генералом полковник, он то и успел подхватить Поташникова, когда тот стал падать с крыльца. На крик офицера подбежали кубинские солдаты и утащили раненого в санчасть.

– Ну что? – Нетерпеливо спросил полковник, а когда выслушал подробный рассказ, снова задал вопрос, – и что делать будем?

– Ждать. Пусть твои усилят наблюдение за той стороны. Думаю..., что-то мне подсказывает, что ждать осталось недолго... Насчёт машины скажешь..., – генерал задумался, над тем что сказать.

Но полковник махнул рукой: – Понятно. Насчёт машины я знаю что сказать. Не беспокойтесь..., – и ушёл из помещения.

Никто тогда из них не знал и не мог догадаться, что с этого момента события понесутся галопом и вскачь. И не будет у Скачкова времени осмотреться на месте и спокойно спланировать ночное нападение на базу. А надо как всегда принимать решения на ходу и также с ходу, среди бела дня, впятером, кидаться в безумную атаку на охраняемую базу и на американцев.... И никто не мог даже предположить, что уже через два часа всё будет кончено....

Часть четвёртая

Как не крути, и нравится или не нравится нам, и если отбросить всю пропагандистскую шелуху, но американцы в настоящее время сильнейшая держава в мире. И здесь всё самое лучшее. Нам тоже есть, что им противопоставить, но как-то это больше в количественном отношении. Как например в Европе: там у нас больше танков чем у них. Что предполагает через две недели мытьё сапог в Атлантическом океане. Но, чёрт побери, у них противотанковых средств гораздо больше, особенно управляемых. И так во всём. А если закрыть глаза на замполитов, особистов и остальные политорганы, то надо признать честно – они банально сильнее. Сильнее экономически, сильнее политически, сильнее в решении организационных вопросов.... Есть национальная идея, вокруг которой они сплачиваются. Есть дебильный американский менталитет, традиции и как это не обидно – патриотизм. Короче, сильнее они и всё. И тут не поспоришь. И эта сила, эта организованность, сплочённость нации, вокруг хрен его знает чего, проходит красной линией, успешно подчёркивается и эффективно вдалбливается в умы других народов через самый массовый вид искусства – Кино. Тысячи раз мы смотрели, как рядовой американец накручивает пальцем 911 и тут же приезжают все виды помощи, начиная с полиции и кончая психушкой. Поднимает американский офицер радиостанцию, просит помощи и прилетают армады вертолётов, самолётов и топят противника в море огня. Надо заколбасить какую-нибудь островную республику и тут из моря всплывают подлодки, эффектно высаживаются морпехи, а за горизонтом маячат грозные туши авианосцев, окружённые мощным конвоем. Молодцы, умеют показать товар лицом. И на всё это мы, русские, помимо ядерного щита может только противопоставить, смекалку, инициативу, «неизвестно какую-то мать», к которой обращаемся в трудную минуту и которая, как это не удивительно помогает пережить эту минуту. На русское магическое слово «Хусим», более понятное «Авось» и самую загадочную в мире «русскую душу», которую сами не можем понять, точно также, когда вылезешь из дерьма и никак не можешь понять – А чего ты туда, по собственному почину сунулся? А уж «военная русская душа» это вообще потёмки, которые не поддаются никакому анализу и расчёту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.